

Елена МАЙОРОВА

КАТАРЫ И АЛЬБИГОЙЦЫ

ХРАНИТЕЛИ ГРААЛЯ

Елена Ивановна Майорова
Катары и альбигойцы.
Хранители Грааля
Серия «Всемирная история (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58121151

Вече; 2020

ISBN 978-5-4484-8374-5

Аннотация

Священный Грааль – олицетворение чего-то возвышенного, непостижимого, мистическим образом связанного со страданиями и успением Христа... Вся атмосфера Прованса пропитана преданиями об этой волшебной реликвии. Святой Грааль – чудесная чаша с Христовой кровью, философский камень, эликсир бессмертия, нечто, овеянное мистическим ореолом легенд, – самый известный символ высокого Средневековья. За ним отправлялись на край земли, ради него совершали подвиги, за него отдавали жизнь. Таинственные хранители Грааля – катары, «чистые», отрекшиеся от мирской тщеты, самоотверженно служили святыне. Иерархи католической церкви желали овладеть священным предметом, чтобы стать всемогущими. Они организовали кровавый крестовый поход против Грааля. Его верные Хранители невольно оказались вовлеченными в роковой круг, где гибли люди, горели

костры, рушились замки, менялись границы государств. Чем же закончилась битва за Грааль? Об этом рассказывается в книге Е.И. Майоровой «Катары и альбигойцы. Хранители Грааля».

Содержание

От автора	6
Папство и еретики	18
Катары в Окситании	44
Трубадуры	72
Страсти вокруг Грааля	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Елена Майорова
Катары и альбигойцы
Хранители Грааля

Серия «Всемирная история»

© Майорова Е.И., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

От автора

Южная Франция стала известна большинству россиян благодаря не только Французской Ривьере – символу красивой жизни, Ницце с ее весенними карнавалами, облаками цветущей мимозы, прекрасным климатом и битвами цветов, Каннским кинофестивалем, набережной Круазетт, фабрикой духов в Грасе, но даже в большей степени модной попсовой песенке «Прованс». Ее героиня предвкушает, как будет в уютном маленьком кафе с плетеной мебелью пить «красное вино из местных погребов больших шато», любуясь при этом «бордовым горизонтом».

Прованс отпечатался в массовом сознании как рай для гурманов: обилие фруктов, реки вин, сытная изысканная кухня. В России несть числа кафе и ресторанам «Ля Прованс», считается, что там замечательно готовят. Количество туристов, желающих посетить Прованс, с каждым годом увеличивается. Но, уезжая за «красивой жизнью» и аппетитной кухней, они душой попадают под властное очарование этих благодатных краев.

Дороги Франции до колдовства хороши летом. На запад от Прованса «еще немного» – и восхитительный, таинственный край Лангедок, простирающийся от долины Роны до пиренейского хребта. Величественная Тулуза, древние Каркассон и Альби, Ним с его громадным, совсем римским ам-

фитеатром, построенным императором Августом. Лавандово-лиловые просторы полей, горделивые средневековые замки. Изумрудные шеренги виноградников, бегущие по волнистым косогорам. Ярко-зеленые равнины болотистого Камарга, над которыми розовыми свечками стоят фламинго. Белые паруса на аквамариновом атласе моря. Черно-бархатные ночи с сочными звездами. Все это не раз вспомнится бесконечной суровой русской зимой с ностальгической печалью о милой Франции.

На благодатной земле Прованса в XVI в. родился и жил великий провидец и предсказатель Мишель Нострадамус. Он вел свою родословную от еврейского племени Иссахара, о котором в книге Иеремии говорится: «Из сынов Иссахаровых пришли люди разумные». Нострадамус получил образование в университете Авиньона, продолжил его на медицинском факультете крупнейшего во Франции университета в Монпелье. Он создал косметологию как науку («Трактат о красоте лица»), усовершенствовал расположение букв для печатного станка (они и сейчас «по-нострадамовски» расположены на клавиатуре компьютеров), придумал цвета мастей карт Таро – ранее они были тусклыми и бесцветными, – которые используются во всем мире до наших дней. Его предрасположенность к языкам снискала ему репутацию человека необыкновенного, его успехи в медицине потрясали воображение современников.

Однако славу в веках принесло ему постижение тайны

небесной науки астрологии. Великий оккультист, чародей и предсказатель Нострадамус свел воедино потаенные астрологические закономерности и магию чисел. Он был подвержен эпилепсии и галлюцинациям, но эти недуги подарили ему сверхъестественную способность прорицательства. Самые точные и известные откровения явились ему после сильнейших припадков. Его «Центурии» – десять циклов стихотворных предсказаний¹ – включали каждая по сто четверостиший-катренов. Рифмованные пророчества, составленные туманно и иносказательно, загадочным образом сбывались. Нострадамус предсказал Варфоломеевскую ночь, гибель на турнире короля Генриха II, казнь Людовика XVI, царствование Наполеона², Февральскую революцию 1917 г. в России... Он предрек возвышение «желтой расы», захват Европы мусульманами и, наконец, Апокалипсис 7000 г.

Неудивительно, что этот необыкновенный человек появился на космополитичном, вольнодумном юге Франции.

А ведь тысячу лет назад эта страна Францией отнюдь не была и называлась Романьей, или Окситанией³.

Сначала эти благодатные края – горы, море, много солнца, – населенные мирными племенами вольсков, процветали. Вольски не сумели противостоять римлянам, которых

¹ Впоследствии их стало двенадцать.

² Рожден близ Италии дерзкий воитель, Империя будет в мятежной стране! Но сколько солдат за тебя перебито, Чудесный мясник, в безуспешной войне!

³ После присоединения к Франции она стала называться Лангедоком.

сменили вестготы, последних – сарацины. В 732 г. майордом франков Карл Мартелл разгромил предводителя мавров Абд ар-Рахмана в битве при Пуатье и вошел в историю как спаситель Европы от нашествия мусульман. Франки Карла Великого передвинули границу с сарацинами на юг Каталонии. После смерти Карла его империя распалась, и Юг обрел самостоятельность.

В 1050 г. Тулуза, Барселона, Нарбонн, Безье, Каркассон, Ним, Авиньон, Арль, Марсель и Ницца являлись практически независимыми республиками. В каждом городе имелся свой городской совет, выбираемый городской общиной. Формально председателем совета (капитулума) считался граф или виконт, но всю полноту власти осуществляли консулы. Самостоятельные правители тяготели к более сильному вождю и постепенно признавали верховенство графов Тулузских, которые, поддерживаемые блеском и могуществом своих вассалов, приобретали все большее значение в Европе. Их возрастающая мощь немало тревожила северных королей, и не раз их полчища вторгались в Окситанию, чтобы подавить ростки самостоятельности Юга. Но французская королевская власть не имела никакого влияния к югу от Гаронны.

С именем тулузских графов связана история первых Крестовых походов. Раймунд IV дал зарок никогда не покидать Святую землю; два его сына там и упокоились.

Процветающее на плодородных землях сельское хозяй-

ство, оживленная торговля с Генуей, Пизой, Флоренцией, Неаполем и Сицилией, деловые связи с греческими, левантскими негодьями давали Югу богатства, не известные северофранцузским графствам.

Города на Юге не были так разъединены, как немецкие и итальянские, и не так сильно отрезаны от деревни; они также имели более значительную защиту от произвола сеньоров. Даже в Тулузе, резиденции могущественного графа, управляли независимый магистрат и свободный комитет граждан.

В таком цветущем состоянии пребывала Южная Франция от Альп до Пиренеев.

Богатая, обильная, страна простиралась на юге Европы, довольная своей природой, климатом, гордая торговыми связями, свободная под отеческим правлением просвещенных наследственных государей. Южная Европа была незначительно затронута нашествием Севера во времена Темного Средневековья. Если язычество где и выжило, то именно здесь, где даже говорили не на французском языке ойль, а на провансальском ок: он был распространен по всему Югу – в Дофине, Оверни, Пуату, Гиени, Гаскони, а кроме того, во многих испанских областях – в Арагоне, Каталонии, Валенсии. В то время как на Севере грамотных были единицы, Юг подарил мировой культуре несколько литературных эпических произведений на народном языке, таких как «Песнь о Боэции», «Поэму о страстях Господних». Здесь раньше, чем в Италии, сплав разнородных культур привел к возникнове-

нию своего рода Предренессанса. Подобного уровня развития Европа достигла лишь во времена эпохи Возрождения.

В Романье процветали наука и архитектура, города застраивались величественными зданиями. В университетах Тулузы и Монпелье давали отличное образование; там, помимо дисциплин, вводимых каноническими требованиями, читались лекции по алхимии, астрологии и каббале. Развивались торговля, мореплавание; процветали ремесла: слава о производимых здесь гобеленах и шпалерах гремела от Ближнего Востока до далекой Индии. Гордые аристократы графы Тулузские, Фуа, Арманьяк, виконты Транкавель, Комменж, Гастон Беарнский в своих неприступных родовых замках на скалах устраивали соревнования трубадуров. Там прославляли прекрасных дам и высокие рыцарские доблести: преданность, верность, честь. Райский климат, роскошная природа, близость расширяющего возможности океана формировали совсем иные качества, нежели те, которые в это время ценились на Севере.

Пожалуй, самым важным из них была, говоря по-современному, толерантность. «Мы живем в мире с соседями, будь то евреи, так называемые еретики или даже сарацины – если они соблюдают наши законы и уважают наши обычаи», – заявляли южане.

Свобода не только физическая, но и религиозная, духовная способствовала развитию личности и общества.

Ростки свободомыслия не могли остаться незамеченными

ми католической церковью, которая набиралась могущества, становилась все роскошнее, надменнее и нетерпимее. Рим поднял христианских правителей севера Франции на борьбу с религиозными заблуждениями секты альбигойцев⁴. Война против свободолюбивого Юга проходила под знаменем очищения христианского учения, поэтому она называлась Крестовым походом против еретиков. Во время нашествия каждый преследовал свою цель: духовенство улавливало и возвращало в лоно церкви души, северные бароны захватывали богатства и земли.

Но не только эти сильные, но лежащие на поверхности побуждения двигали массами людей, одетых в кольчуги и сутаны. Ведь считалось, что именно здесь еретики втайне владели непостижимым Священным (или Святым) Граалем. Вся атмосфера Прованса пропитана преданиями об этом волшебном предмете, мистическим образом соединенном со страданиями и успением Христа.

О Святой Чаше – Граале – известно не много. Когда-то на её поиски устремились знаменитые рыцари, жертвовавшие жизнью, чтобы спасти священное сокровище. Их невероятные приключения воспеты в кельтских сагах и средневековых романах; даже в рациональном XIX в. лорд Теннисон, известный английский поэт, вновь вернулся к этой теме в

⁴ Еретики-катары получили название «альбигойцы» от небольшого городка Альби в области Альбижуа, принадлежавшего виконтам Транкавелям. Интересно, что сам Альби был городом католическим.

своём творчестве, а величайший немецкий композитор Рихард Вагнер, вдохновленный подвигом благородного воина, создал лучшую музыкальную драму эпохи – «Парсифаль».

Все предания о Граале апокрифические, то есть не признанные официальной церковью. Ни один церковный историк даже не обмолвился о Святой Чаше! Не странно ли, ведь во всех Евангелиях рассказывается о Тайной вечере.

В западноевропейских легендах и сказаниях Святой Грааль – это таинственный сосуд, ради приближения к которому и приобщения к благодати люди совершали подвиги и жертвовали своей земной жизнью. Паладины Круглого стола короля Артура, тамплиеры, тевтонские рыцари – все они безуспешно занимались поисками этого мистического сосуда, дающего власть над тончайшими энергиями. Он насыщал, утолял жажду, излечивал от болезней, а главное – даровал бессмертие души.

Святому Граалю посвящено не только множество мифов и легенд, поэм и песен, но и кропотливых научных исследований.

Удивительно, что исторические труды, связанные с героической, но тщетной борьбой окситанских правителей против французского завоевания и деспотичного диктата римских пап, почти всегда обходились без учета такого мощного фактора, как упорное сплочение южан всех национальностей и сословий вокруг их таинственной святыни. Между тем именно феномен Священного Грааля наряду с учением

катаров, охранявших от жадных лап захватчиков свое сокровище, подвигал народ на сопротивление, обещая воздаяние если не во временной земной юдоли, то в жизни посмертной, вечной.

Через века дошли до нас слухи о Хранителях Грааля – увлекающие воображение, но обрывочные, неточные и нередко приукрашенные.

Если рассмотреть историю альбигойцев через призму Святого Грааля, можно по-иному объяснить многое, происходившее в те времена.

Освещением этого давно прошедшего времени мы обязаны нескольким клирикам. Первый из них, Петр Сернейский, был очевидцем описываемых событий. Но вряд ли этого монаха можно назвать беспристрастным рассказчиком: его симпатии полностью на стороне Христова воинства. Тем не менее созданная им «Альбигойская история» – ценнейший исторический документ. Гийом из Туделы, автор «Песни о крестовом походе», пользовался покровительством вождя завоевателей Симона де Монфора и в целом не сочувствовал еретикам, но жестокость крестоносцев ему претила. Его повествование охватывает период с 1208 г., времени убийства папского легата Пьера де Кастельно, до 1212 г., того момента, когда Симон де Монфор на соборе в Памье предъявил завоеванной стране свои Уложения.

Другой описатель войны и дипломатии с 1213 по 1219 г., чьи симпатии, безусловно, на стороне патриотов, анонимен,

хотя многие предполагают, что это был трубадур Пейре Карденаль. В своей «Песне (или Канцоне) о крестовом походе против альбигойцев» он трезво оценивает эту операцию как завоевательную войну северных баронов с целью захвата богатых южных земель. Характеристика действующих лиц в поэме такая живая и описание отдельных сцен так реально, как будто автор был очевидцем всего изображенного.

Казалось бы, альбигойская трагедия бесконечно далека от российских просторов. Какое дело русскому человеку до судьбы секты, разгромленной почти тысячу лет назад? Однако одно из лучших описаний этого страшного и героического времени принадлежит русскому историку Николаю Алексеевичу Осокину⁵. В другом роде и тоже великолепно удалось изобразить противостояние Юга и Севера, катаров-альбигойцев – практически всей Европе, еще одной нашей соотечественнице Зое Ольденбург. Ее перу принадлежит чеканное и ясное описание многолетнего поединка двух мировоззрений и доблестной, но заранее обреченной борьбы катаров за свои убеждения. Анализ противостояния Юга – Северу, секты – официальной религии, добра – злу проведен объективно и беспристрастно. Это тем более ценно, что даже профессиональные историки нередко затрудняются в воссоздании последовательности и причин событий во времена Альбигойских войн.

В этих замечательных произведениях масштабность изоб-

⁵ Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. М.: АСТ, 2003.

ражаемых исторических процессов несколько потеснила человеческий фактор. Лишь широкими небрежными мазками обрисованы характеры и затронуты взаимоотношения действующих лиц. Но даже эти небогатые сведения относятся к личностям первого плана. Психологические характеристики участников событий, за исключением обоих Раймундов и, может быть, Симона де Монфора, остались в тени, заслоненные значимостью происходящего.

Никто из перечисленных авторов, писавших об альбигойцах, ни словом не упоминул феномен таинственного Святого Грааля. Но чудесное предание об этой реликвии не могло быть им неизвестно. Может быть, исследователей «альбигойского» исторического периода останавливало некое суеверное чувство, боязнь прикоснуться к святыне. Отто Ран, автор книг «Крестовый поход против Грааля» и «Трон Люцифера» в конце 30-х годов прошлого столетия, загадочно погиб в тех местах, где, по преданию, могла быть укрыта таинственная реликвия.

Клерикальная литература молчит по понятной причине: церковь стремилась овладеть Святым Граалем как своего рода секретным оружием и с его помощью подчинить весь мир. Ведь каждый постигал суть реликвии в силу своего понимания: кто – как высший духовный идеал, кто – как неиссякаемый источник могущества и материальных благ.

Борьба между людьми Севера и Юга была битвой за Грааль – в их понимании.

Прошли годы, появились результаты новых исторических исследований, высказаны новые гипотезы; забытые имена заиграли новыми красками; жизнеописания героев обогатились новыми подробностями.

Хочется надеяться, что собранные вместе портреты людей, живших и действовавших в то судьбоносное время, рассмотренные через призму таинственного Священного Грааля, расскажут не только об исполнителях ролей, но и о том, что происходило на сцене истории.

Папство и еретики

В период раннего Средневековья христианство представляло собой не просто религию – оно олицетворяло закон, который управлял всеми аспектами человеческой жизни. Религия охранялась государством, то есть правителем. Именно он утверждал свою веру в землях, которыми владел или распоряжался. Правитель выступал как лицо, отвечающее за правильность определения, то есть за чистоту веры, и направлял духовные потребности своих подданных. Религия обуславливала набор ритуалов и систематизированных предписаний. Уважение воскресенья, религиозных праздников, культовые места, потребление определенных продуктов рассматривалось как проявление религиозности человека Средневековья. Религия являлась также языком: для христиан, которые отождествляли христианство и Римскую империю, латинский язык, язык сына Божьего, оставался церковным языком.

Христианские правители вначале назначали, а позднее давали одобрение на список кандидатов, затем согласие на кандидатуру того духовного пастыря – епископа, – которого предлагал Рим. Король или князь был начальником своей церкви: он ее защищал, получал с нее налоги и пользовался ее авторитетом в случае необходимости.

Так было до тех пор, пока епископы Рима не стали име-

новать себя папами (отцами), обосновывая законность своей власти над вселенской церковью служением человечеству в роли наместника святого Петра. Римский епископ Лев I в этом качестве объявил себя защитником и покровителем не только Рима, но и всей Италии⁶. Этому папе приписываются выдающиеся заслуги: считается, что он отвратил нашествие гуннов Атиллы, а позже путем успешных переговоров, дополненных богатыми дарами, спас Рим от вандалов. Кроме того, это был первый папа, который проявил себя как рьяный борец с ересью: в Италии он в полном смысле слова истребил пелагианцев⁷. Однако даже этот предприимчивый и решительный папа не претендовал на равенство с верховным светским правителем. Более того, лишь утверждение византийским императором кандидатуры законно избранного клиром и народом папы делало его, как многих его последователей, по-настоящему легитимным.

Только по прошествии четырех-пяти столетий властные притязания пап превратили церковь под их началом в силу, организующую новое общество – круг небольших королевств варварских племен, возникших на развалинах Римской империи.

Поначалу варварские (франкские) правители неодобри-

⁶ Во времена Льва I Италия принадлежала Византии.

⁷ *Пелагианство* – еретическое учение, отрицающее наследственность греха и признающее за человеком свободу выбора. Пелагианцы утверждали, что для спасения достаточно свободной воли человека, поэтому нет необходимости в церкви как посреднике между человеком и Богом.

тельно относились к римскому миссионерству. А их поддержка весьма требовалась Риму, поскольку с Византией у него часто возникали конфликты как по вопросам управления, так и в богословской сфере. Папа Стефан II не считал зазорным на коленях просить франкского короля Пипина Короткого о помощи против лангобардов, захвативших земли Италии. Пипин, а затем его сын Карл Великий взяли на себя защиту папства и способствовали рождению Папского государства – Патриониума Святого Петра, – включавшего Римское герцогство, Романью и Пентаполь.

Как только внешняя угроза исчезла, папство возмечтало о мировом господстве. Усвоив бюрократические и иерархические основы императорской администрации, папы стали посягать на прерогативы высшей власти и в разной степени – в зависимости от темперамента и особенностей характера – соперничать с византийскими императорами. Слабеющая Византийская империя была кровно заинтересована в объединении Восточной и Западной церквей. Греческая императрица Ирина сумела достичь соглашения с римским папой Адрианом I, не включив в него Карла Великого, и на Втором Никейском соборе факт объединения был признан духовенством. Карл, мечтавший об императорской короне и готовый ради нее вступить в брак с византийской императрицей, получив отказ, объявил решение собора незаконным и накрепко привязал папский престол к Франкской империи. Папство было изолировано от Византии, что впоследствии привело к

церковному расколу.

При Каролингах формула взаимодействия папства и империи была проста: папа совершал коронование, в результате которого монарх становился помазанником Божиим, обладателем церковных, религиозных и властных привилегий. Император же обеспечивал охрану безопасности персоны папы и его владений.

Династия Каролингов постепенно слабела; при ее последних представителях произошел раздел империи Карла Великого между его тремя внуками, сыновьями Людовика Благочестивого. Западную часть, или Королевство франков, которое впоследствии стало называться Францией, получил Карл Лысый; Восточную – королевство восточных франков, ставшее позднее Германией, – Людовик Немецкий. А обширная полоса от устья Рейна до устья Роны между Францией и Германией, включавшая в себя также и Италию, досталась старшему из братьев, императору Лотарю, имевшему две столицы: в Аахене и Риме.

Чем сильнее был правящий император, тем строже осуществлялось подчинение Святого престола его власти. Но и крушение империи Каролингов больно ударило по самостоятельности пап. Им грозило превратиться в игрушку партикулярных сил. Действительно, меньше чем за сто лет (с 882 по 963 г.) на папском престоле сменилось 24 понтифика, в историографии католической церкви называемых «плохими папами».

Возрождением папство обязано германским королям из саксонской династии Оттону I (936–973), Оттону II (972–983), Оттону III (996—1002). Однако эти короли, безусловно, глубоко верующие, все же не были бескорыстны. Они стремились создать в лице пап инструмент своего влияния в Италии и при первом же признаке неповиновения понтификов заменяли их своими ставленниками. Престиж власти пап падал, их поступки судились и нередко осуждались, вещаемые ими истины подвергались сомнению; появлялись признаки инакомыслия. Возникавшие еще во время становления христианской церкви отклонения от церковных догматов, то есть ереси, не были новинкой в церковной истории; но с XI в. они особенно усилились.

У занятых своими распрями епископов большая часть энергии уходила на фракционную борьбу, противостояние светским властям, распри внутри партий. Но они не забывали о пастырском долге и заботились о чистоте веры. Малейшие колебания относительно признания истинности католических догм рассматривались как преступление.

За философией средневековый католицизм не признавал право на самостоятельное существование, требовал, чтобы она служила богословию, и в то же время не допускал ни малейшей свободы толкования. Движение философской мысли не прекращалось, потому что она сделалась непреодолимой потребностью времени, но ее представители страдали от отсутствия всякой свободы и сплошь и рядом впадали в ересь.

Ереси были известны еще с первых веков христианства, и борьба с еретиками началась с того же времени. Иреней, епископ Лионский, живший около 180 г., внес большой вклад в придание юной христианской религии стабильной формы. Его объемистое опровержение фальшивой теологии «*Libros Adversus Haereses*» («Книга против ересей») с жаром осуждало и обвиняло все отклонения от ортодоксии и издавна известные еретические течения. Их различию, их преступлениям и их заблуждениям он противопоставлял истинность и превосходство христианской церкви, единственной «достойной преданности» и способной даровать спасение, вне которой существуют только еретики, заслуживающие самой жестокой кары.

Одной из злейших форм отклонения, облаченных в христианскую доктрину, была в глазах Иренея теория гностиков. Гностики основывались на личном опыте и на личной связи с Богом; их вера сводила к минимуму роль священников и епископов. Епископ Лионский стремился разрушить гностицизм, отвергая личное общение с Богом в пользу коллективной веры. Так родились теологическая система и совокупность основных принципов, не оставлявшая места личной инициативе. Ей Иреней противопоставлял «католическую», то есть универсальную, церковь, основанную, с одной стороны, на апостольских преданиях, а с другой – на Писании.

Тем не менее ереси не исчезли. Как раз напротив, они про-

должали быстро распространяться и после II в., несмотря на все усилия, принимаемые для упрочения юной ортодоксии Иренеем в богословской области и императором Константином в области политической. Но благодаря Иринею христианство стало прочной доктриной с четкой структурой – условие, необходимое для того, чтобы оно выжило и имело успех.

Нельзя не признать, что римское папство с незапамятных времен старалось приспособить тогда еще новое христианское учение к языческим привычкам варваров, выдвигая на первый план обряд и культ. Такое направление, возвышавшее роль и значение духовенства в глазах простого народа, с течением времени все укреплялось так, что обряд заслонил моральную сторону религии. Вера Средневековья – это поклонение реликвиям. Для толпы все божественное заключалось в почитании мощей святых.

Сомнения в благодетельной силе таинств крещения и покаяния, самовольное толкование Библии, отрицание святости образов и мощей, отказ от молитвы и любые умствования рассматривались как проявление ереси.

Еретики указывали на очевидное: что многие священнослужители, включая высший клир и самого папу, не соблюдают те каноны, которые сами проповедуют. Они живут в роскоши, содержат любовниц и многочисленное внебрачное потомство, носят доспехи и оружие, вмешиваются в дела светских правителей. Симония – покупка церковных должностей и даже папского титула – обычное дело среди духо-

венства.

Иногда сами папы являлись носителями еретических идей. Приближенный, учитель и друг императора Оттона III, папа Сильвестр II – в миру француз Герберт Орильяк, ранее архиепископ Реймский, поражал своими познаниями в области математики и философии, которыми якобы был обязан дьяволу. Утверждали, что он обнаружил в Севилье гнусную книгу, заключающую каббалистические формулы, с помощью которых заставил Люцифера повиноваться себе.

Ученик Орильяка, Роберт II, прозванный Благочестивым, второй король из молодой французской династии Капетингов, был кровно заинтересован в усилении влияния церкви в противовес светским магнатам. Этот монарх отличался редкой набожностью. Он чувствовал себя в родной стихии на церковных соборах, где осуждались ереси; при нем повсюду звучали духовные песнопения и, «несмотря на его благодушие, во Франции пылали костры и пахло паленым человеческим мясом». Его супруга Констанция собственноручно выколола глаза посохом духовнику короля и своему старому учителю Стефану. Несчастный был объявлен еретиком и окончил жизнь на костре.

Сам Фома Аквинский, которого папы рекомендовали верующим как лучшего представителя истинной богословской философии, не был чужд заблуждений. По крайней мере, в конце XIII столетия строгие ревнители католической ортодоксальности торжественно осудили целый ряд тезисов, за-

имствованных из его произведений⁸.

Сейчас папа является воплощением высшей добродетели на земле. Но тысячу лет назад папами становились не всегда самые лучшие, самые умные или самые достойные. Бенедикт IX, молодой человек, посаженный на папский престол родственниками из знатного римского рода графов Тускуланских, представлял собой пример того, как извратилась идея наместника Бога на земле. Про его успехи у женщин рассказывали такие чудеса, что в конце концов стали подозревать в колдовстве. В Риме папу настолько презирали, что в 1044 г. горожане, которые уже однажды пытались его убить в алтаре, с собаками выгнали его из города и заставили отречься. Но он и сам, охваченный непреодолимым желанием вступить в брак с некоей благородной девушкой, решил расстаться с духовным званием и продал папский титул своему крестному отцу.

Однако вскоре Бенедикт, женитьба которого расстроилась из-за понятного недовольства будущего тестя, снова занял папскую кафедру, а новый папа, чьи выборы сильно попахивали симонией, не посмел сопротивляться. Учитывая, что в это время партией римских патрициев Кресценциев, враждебной графам Тускуланским, был избран антипапа⁹ Силь-

⁸ С другой стороны, трактат Фомы Аквинского «Сумма теологий» был торжественно сожжен в 1520 г. Мартином Лютером.

⁹ *Антипапа* – глава католической церкви, избрание которого на этот пост объявляется незаконным.

вестр III, в 1046 г. в Риме оказалось сразу три папы. Римские клирики в отчаянии обратились за помощью к королю Германии Генриху III. Этот серьезный и совестливый молодой правитель рассматривал грязные дрязги в Риме как оскорбление всему христианскому миру. Он низложил всех трех соперничающих пап. На их место он назначил своего друга и земляка Судгера, епископа из Бамберга, который принял имя Климента II. Этот папа остался в памяти церкви как достойный человек и умелый правитель, но скончался меньше чем через год. На престоле снова утвердился ненавистный Бенедикт IX, о котором поговаривали, что он отравил Климента II.

Через несколько месяцев в Рим прибыл новый ставленник империи, который правил под именем Дамаса II. Однако он сумел продержаться на папском престоле только 23 дня, до того, как умер в страшных мучениях. То ли, как говорили, жара оказалась для него слишком сильной, то ли искусство Бенедикта достигло небывалых высот, но после его смерти для большинства церковных иерархов папский престол стал вовсе не той целью, к которой следовало стремиться.

Храбрый Стефан IX, в миру Фридрих, брат герцога Лотарингского, стал еще одним немецким папой. Стремясь передать германский престол своему дому, папа учитывал все возможности. Он внимательно следил за набирающим силу движением еретиков. Дальновидный человек, он надеялся использовать его в собственных интересах.

Понтификат следующего папы Александра II (Ансельме ди Банджо, 1061—21.4.1073) знаменовал победу партии реформ над богатыми и имеющими множество внебрачных детей прелатами. Доверие и авторитет он завоевал, еще будучи главой народной и по сути еретической партии патаренов¹⁰. Его требование восстановить демократизм раннехристианской церкви снискало ему множество сторонников. Если бы он жил позже, его бы назвали катаром. Он посылал своих легатов во все страны латинского христианского мира и вникал во все внутренние проблемы государств и частную жизнь правителей. Именно Александр II признал незаконным второй брак Анны Ярославны, вдовы короля Франции Генриха I, с графом Раулем Валуа. Он вмешался в семейные дела Генриха IV: из-за развода императора с Бертой Савойской возник жестокий конфликт между папским и императорским дворами.

Однако многие церковные историки полагают, что все мероприятия, клонившиеся к унижению Генриха IV, по всей вероятности, исходили от друга и вдохновителя папы Гильдебранда, который был душой антинемецкой партии. Почти точно установлено, что под влиянием своего советника папа с энтузиазмом отнесся к планам Вильгельма Бастарда относительно завоевания Англии; известно также, что, имея в виду этот смелый проект, он дал, хотя и с трудом, разреше-

¹⁰ *Патария* (от «тряпичники», «блошиный рынок») – первое демократическое движение в Италии, рассматриваемое духовенством как ересь.

ние на родственный брак Вильгельма Нормандского с Матильдой Фландрской.

Гильдебранд, итальянец из Тосканы, человек темного, может быть, иудейского происхождения, не слишком образованный, наделенный скудным воображением, но необыкновенной силой духа, в течение многих лет стремился занять папский престол. Наконец, во время похорон своего патрона Александра II он почти силой заставил признать себя папой под именем Григорий VII (1071—25.5.1085). Этот первосвященник провозгласил принцип подчинения светской власти духовному авторитету римского понтифика и требовал исключительных прав, включая право низлагать законных государей и даже коронованного императора. Двадцать лет он подготавливал дело обновления церкви, которое по его папскому имени получило название Григорианской реформы. Он пылал жадой спасти человечество, хотя бы насильственными мерами, к которым очень любил прибегать, и все годы своего понтификата боролся с императорами. Он обладал необыкновенной энергией и мощнейшей силой воли. При нем произошел окончательный раскол церкви на Православную и Римскую. Принципы церковного устройства, которые легли в основу того явления, которое принято называть римским католицизмом, на протяжении столетий определили его лицо.

Но при всей разносторонности этого папы он никак не проявил себя в борьбе с ересями. Милан, например, был ско-

рее еретическим, нежели католическим городом, и Феррара тоже слыла рассадницей ересей.

Еретические учения проникали во все слои общества. С ними продолжали бороться иногда путем наложения епитимий, церковных проклятий (отлучения от церкви), но чаще всего – с помощью костра. Епископ Лиможский еще в 1012 г. принимал против еретиков суровые меры, в Тулузе графы жестоко расправлялись с инакомыслием. Во время первых преследований инакомыслящих в Орлеане в 1017 г. тринадцать из пятнадцати еретиков, даже увидев костры, разожженные для их казни, остались несломленными. В Кельне в 1063 г. приговоренные к казни еретики во главе со своим вождем Арнольдом своим радостным ликованием заставили окружающих задуматься. Арнольд, будучи уже наполовину сожженным, простер еще целую руку над головами своих спутников, охваченных священным ужасом, со словами: «Будьте твердыми в своей вере, ибо уже сегодня вы будете у святого Лаврентия!»

Еретики, обнаруженные в Оксфорде, отказались просить пощады и повторяли слова Христа: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное». И после того как им был произнесен приговор, обрекающий их на поругание и медленную смерть, они радостно пошли на казнь во главе со своим вождем Герхардом и запели: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня».

Нераскаявшихся еретиков всегда сжигали при большом скоплении народа. Правители пораженных вольнодумством земель призывали духовенство искоренить нечестивую заразу.

Но как запретить мыслить мыслящему существу?

Благодетельный Бог не мог быть творцом порочного, утверждали еретики, все зло на земле от дьявола. Вместо христианской Троицы еретики верили в доброе и злое начало и в то, что две эти противоположные силы пребывают в вечном борении.

Одиннадцатилетнее правление преемника Виктора, Урбана II (1088–1099), ознаменовалось началом героического и жестокого исторического периода, называемого в истории эпохой Крестовых походов. Идея отвоевать у неверных Гроб Господень, освободить от скверны Святую землю, где ступала нога Спасителя, овладела массами. Стратегической целью пап было утвердиться на мусульманском Востоке, распространить на земли православных греков свое влияние и воспользоваться несметными богатствами завоеванных земель «к вящей славе Божьей».

С этого времени папы присвоили себе исключительное право отпускать под известным условием всякий грех, и такие «полные индульгенции», обещанные Урбаном II за участие в Крестовом походе, весьма способствовали возрастанию популярности крестоносного движения. В XI–XIII столетиях папы открыто продавали отпущение грехов за день-

ги: нежелавший принимать участие в крестовом походе мог за известную сумму получить такую же индульгенцию, как настоящий крестоносец.

Но пока и без того религиозная экзальтация была настолько сильна, что почти вся Европа двинулась в поход.

На Востоке кругозор пилигримов опасно расширился; оказалось, что ранее бесспорные истины довольно сомнительны. Человек раннего Средневековья имел сравнительно низкую психологическую культуру и при столкновении с более продвинутыми, непонятными ему мировоззренческими установками восточных стран, испытывал некое сладострастное отвращение и в то же время жгучее любопытство. Многие европейцы вынесли из похода в Святую землю ненависть ко всему инакому, но были и такие, кто крепко задумался над казавшимся ранее незыблемым существующим порядком вещей.

Это было время, когда свободомыслие распространялось и на благополучных землях Окситании. Многие дворяне Юга в составе крестоносного войска побывали в Святой земле, где приобщились к более развитой, нежели в то время европейская, цивилизации. Жизнь на границе с Испанией, завоеванной мусульманами в период с 711 по 715 г., приучила их к толерантности. И по торговым делам южане находились в тесном общении с евреями и мусульманами. Те невольно настраивали местных жителей на иноверие или, по крайней мере, на вольное толкование христианства.

Развитие городов и повышение культуры населения вело к очередному кризису католичества. Вместо слепой и косной веры человеческий ум жаждал новых знаний и находил их в еретических учениях.

Католический автор сокрушался: «В виду католической иерархии возвышалась другая иерархия, которой метрополией была Тулуза. Один константинопольский уроженец по имени Никита близ самой Тулузы председательствовал в собрании епископов манихейских. Ломбардия, Северная Галлия, Альби, Каркассон и Пуатье имели на этом соборе своих представителей. Никита торжественно толковал обряды манихеев азиатских. Верования Востока и византийской Греции начинали преобладать в Западной церкви. Новая церковь везде рассылала своих проповедников, и новое учение распространялось в самых отдаленных странах, дотоле известных своим благочестием: в Пикардии, Фландрии, Германии, Англии, Ломбардии, Тоскане, даже у самых ворот Рима, в Витебро. Но странные обряды восточного манихейства нашли в то же время и многих противников».

Нельзя сказать, что именно в это время впервые возникло имя «Святой Грааль». Первое упоминание о Священной Чаше относится к III в. н. э., когда папа Сикст II, предвидя свою неизбежную гибель, отдал на сохранение церковные реликвии дьякону Лаврентию, также вскоре принявшему мученическую кончину. Главной реликвией и был Святой Грааль.

Пока папы Целестин II, Иннокентий II и Анаклет II совсем

не христианскими способами сражались за власть, французский монах Пьер Абеляр (1079–1142) доказывал, что разум должен предшествовать вере, и отмечал противоречия в трудах Отцов Церкви.

Религиозная оппозиция против папства, самая опасная для учреждения, основанного на религии, шла в разнообразных и даже противоположных направлениях. Она и вызывалась сомнениями в аскетическом принципе, и восставала против церкви за его нарушение.

В 1119 г., едва заняв престол святого Петра, бургундский принц Ги под именем Каликста II собрал в Тулузе собор, на котором первый раз отлучил от церкви сторонников ереси; их стали именовать «тулузские еретики», или «альбигойцы», поскольку именно в Альбижуа ересь была опасно распространена. Сами они называли себя катарами – чистыми – и пользовались почти всеобщей поддержкой. Каликст настаивал на том, чтобы в деле искоренения ереси епископам помогала светская власть.

Ученик Абеляра провансальский священник Пьер де Брюи пошел дальше своего наставника: он отвергал всякий религиозный авторитет, кроме четырех Евангелий. Несмотря на крайний радикализм, де Брюи обрел на юге Франции последователей, которые разрушали храмы и подвергали истязаниям монахов. Его насилия облегчили церкви победу над опасным еретиком, и он был сожжен в 1126 г.

Цистерцианский монах, ставший папой Евгением III

(1145–1153), ученик Бернара Клервоского¹¹, вплотную столкнулся с политическим олицетворением еретических идей. Итальянские города, образовавшие коммуны, изгнали своих наследственных властителей и перешли к республиканской форме правления. В Риме антипапское движение возглавил последователь Абеяра, монах августинского ордена Арнольд Брешианский. Он пришел к глубокому убеждению, что обладание духовенством не только светской властью, но и земельными владениями противоречит христианству. Красноречивый оратор и добродетельный человек, Арнольд смело проповедовал свое учение и производил ошеломляющее впечатление. Его партия руководствовалась еретическими идеями и требовала городского самоуправления и восстановления первоначальной бедности церкви. Арнольд провозгласил, что церковь должна отказаться от своих владений и политической власти. Он основывался на авторитетном мнении Бернара Клервоского, который открыто возражал против светской власти римского епископа, утвер-

¹¹ *Бернар Клервоский* (1090–1153) – монах-цистерцианец, один из крупнейших политических и церковных деятелей Средневековья. В 1115 г. основал на границе Бургундии и Шампани монастырь Клерво, где вместе с двенадцатью последователями жил аскетической жизнью, занимаясь философией, богословием, мистикой. Он выступал на богословских диспутах, проводил церковные советы, поддерживал авторитет церкви в годы глубокого кризиса власти пап. Одну из важнейших целей жизни он видел в борьбе против П. Абеяра, в творчестве которого видел поругание тайн веры. Бернар преследовал своими обвинениями и ученика Абеяра, Арнольда Брешианского. Огромный авторитет Бернара обусловил быстрый рост и процветание ордена цистерцианцев.

жда, что «апостолам запрещено светское господство» и что папы, благодаря своему политическому положению, теперь являются «преемниками не Петра, а Константина». В ответ на эти крамольные заявления на Реймском соборе 1149 г. Евгений III снова обратился к светским правителям с требованием принять участие в уничтожении еретических учений и их последователей. «Светская, государственная власть должна служить секирой в руках церкви, которая сама не проливает крови».

Евгений пытался восстановить пошатнувшийся авторитет церкви, организовав Второй крестовый поход, но эта экспедиция потерпела позорную неудачу. «Любимый сын церкви» Людовик VII Французский переживал бесславное окончание крестоносной авантюры и крушение семейной жизни с Алиенорой Аквитанской; он не желал вмешиваться в итальянские дела. На помощь первосвященнику пришел молодой немецкий король Фридрих Барбаросса. Он готов был спасти папу, оказавшегося в стесненном положении, но за это потребовал своей коронации как императора Священной Римской империи. Его тайной целью было освободить свое государство от папской опеки и придать ему значение мировой державы. Папе он отводил лишь роль первого епископа империи.

Евгения сменил решительный англичанин Николас Брейксспир – Адриан II (1154–1159). За убийство одного из его кардиналов он наложил на Рим интердикт. Народ, все-

гда переменчивый в своих пристрастиях, изгнал Арнольда и его сторонников. Адриан готов был принять помощь Барбароссы и даже венчать его железной короной лангобардских королей, что уже и начал осуществлять. Но гордый тевтон неожиданно отказался держать папе стремя и вести под уздцы его коня, как это было принято издавна. В ответ папа отказал ему в так называемом «поцелуе мира», без чего обряд коронования не имел силы. На карту было поставлено слишком много, чтобы Фридрих продолжал упорствовать и не уступил папе в таком пустяке. Но общность их интересов проявилась лишь в отношении еретиков и Арнольда Брешианского, который взошел на костер; его прах был развеян над Тибром.

Адриан II заключил союз против Фридриха Барбароссы с норманнами. Но искать у них поддержки против еретических течений было напрасно. Норманнские предводители находились под сильным влиянием восточного христианства, а иногда и вовсе не христианских догматов.

Противостояние двух сильных личностей – папы и императора – выходит за рамки повествования об альбигойской трагедии. Но оно не закончилось и со смертью Адриана II – его продолжил соратник и друг покойного папы, профессор богословия из Болоньи, кардинал Роландо Бандинелли, занявший папский трон под именем Александра III (1159–1181).

По настоянию прелатов Северной Франции, возмущен-

ных процветанием катарской ереси, и, вероятно, французского короля Александр в 1163 г. созвал в Бурже собор, на котором под его началом заседали 16 кардиналов, 184 епископа и более 400 аббатов, и в очередной раз сурово осудил ересь. И это несмотря на поглощавшую все силы Александра борьбу с Фридрихом Барбароссой и назначенным императором антипапой Виктором IV (1159–1164).

Третий Латеранский собор (1179) подтвердил суровые меры против еретиков Гаскони, Тулузы и Альби и отлучил от церкви множество баронов, сочувственно относящихся к ереси.

Папа Александр вернулся к уже высказанному тезису и заявил, что, «хотя следует довольствоваться духовным судом и не прибегать к кровавым наказаниям, епископы должны, однако, опираться на светские законы и требовать помощи князей для того, чтобы страх светского наказания принуждал людей искать духовной помощи. А так как еретики-катары весьма размножились в Гаскони и в округах городов Альби и Тулузы, свободно проповедуя там свои заблуждения и старясь развратить простецов, мы объявляем им анафему с их покровителями и укрывателями. Мы запрещаем всем иметь какое-либо общение с ними. Если они умрут в своем грехе, их не должно хоронить среди христиан и служить по ним заупокойную службу».

Несмотря на то что южная ересь была сурово осуждена, а мирянам под страхом отлучения запрещались контакты с

еретиками, новое вероучение распространялось, как лавина. В 1181 г. католический епископ Альби вынужден был пригласить на диспут в Ломбере известнейших лиц, отличающихся склонностью к катарской ереси.

Поводом послужила тревога графа Раймунда V Тулузского, горько сетовавшего, что ничего не может поделать с ересью, поскольку большинство его вассалов крепко к ней привязано. Даже родственник и подданный Раймунда, Роже Транкавель, склоняется к ложному учению. Граф просил римского первосвященника помочь ему победить ересь в своих землях – зараза проникла в умы подданных так глубоко, что светская власть не в силах с ней справиться. На диспуте присутствовали представители недавно образованного ордена цистерцианцев – цистерцианцы. Они стали самыми энергичными защитниками католической веры. Катары упорно отказывались вести обсуждение в форме допроса и требовали дискуссии. Катарский ересиарх Оливье впервые публично высказал убеждения катаров. Обсуждение продолжалось до тех пор, пока инакомыслящие не заявили прелатам, что не нашли в Новом Завете указаний на то, что священники должны жить роскошнее князей, носить дорогие одежды, украшения и латы.

Сами церковные иерархи были согласны с тем, что священники, погрязнув в материальном, мало заботятся о духовном, «больше ни по внешности, ни по поступкам не отличаются от мирян» и что, наконец, «они не прекращают пре-

даваться самым постыдным излишествам». Это объясняло стремление средиземноморского населения отойти от католичества, предпочтя учение альбигойцев или вальденсов.

Тем не менее, как только слова о пороках духовенства были произнесены, тотчас последовала анафема.

Но еретическое вероучение не было побеждено. К этому времени в Италии и на юге Европы насчитывалось семнадцать еретических сект: гностики, манихеи, павликине, богамилы, вальденсы, катары, присциллиане и пр.

При вступлении на трон святого Петра на Вселенском соборе в Латеране в 1179 г. антипапа Иннокентий (Ландо) заявил: «Хотя церковь, как говорит о том святой Лев, довольствуется святым, духовным судом и не прибегает к кровавым акциям, она вынуждена, однако, опереться на светские законы и просить поддержки у князей, дабы страх перед мирским наказанием заставлял людей исполнять духовный долг. Итак, поскольку еретики, которых одни именуют катарами, а иные патаренами или павликианами, много преуспели в Гаскони, Альбижуа, в Тулузе и в иных землях, где открыто распространяют свои заблуждения и совращают неразумных, мы предаем их анафеме вместе с теми, кто им потворствует».

Становилось ясно, что церковь, не в силах одолеть ересь с помощью проповедей и дискуссий, рано или поздно обратится к насильственным мерам. Но все еще оставалась надежда на мирный исход противостояния двух мировоззрений. Ев-

ропа как будто не желала услышать призыв папы к мечу против катаров, официального объявления Крестового похода и обещания полного отпущения грехов всем участникам.

Луций III (1181–1185), в миру Убальдо Аллунчиньоли, кардинал Остии и Веллетри, избранный папой под бряцание немецкого оружия, на Веронском соборе в 1184 г. поручил епископам разыскивать в своих диоцезах еретиков для привлечения их к суду. Рекомендовалось сзывать знатнейших жителей каждого прихода, которым предписывалось под клятвой называть людей, посещающих тайные собрания или отличающихся своеобразными обычаями. Заподозренные должны были поклясться, что они правоверные католики; в противном случае их судили и обвиняли. В то же время он заключил с Фридрихом Барбароссой соглашение, согласно которому светская власть под страхом отлучения от церкви должна была приводить в исполнение вынесенные епископскими судами смертные приговоры. Это был первый проект создания церковно-государственного учреждения, стоящего на страже «чистоты доктрины и обычаев», позднее получивший развитие в качестве Святой инквизиции.

Римлянина Джанчито Орсини, взошедшего на папский престол в возрасте 85 лет и взявшего имя Целестина III (1191–1198), принято вспоминать лишь как человека, короновавшего Генриха VI, игрушкой которого он якобы и являлся на протяжении шести из семи лет своего понтификата.

та. Однако именно этот немощный старец был инициатором и организатором первого военного похода в защиту церкви против тулузских еретиков. Он не надеялся, что под его знаменами соберутся светские правители, и рассчитывал на немалые силы церковной организации – за стенами монастырей и аббатств готовили государственных мужей, послов, писателей, разведчиков, врачей и воинов. Поэтому первое выступление церкви против южной ереси прошло без зверств и жестокостей.

Но на смену Целестину пришел человек иного склада. Интеллектуально во много раз превосходящий свое окружение, не склонявшийся перед высшей знатью, поскольку сам к ней принадлежал, обладавший твердостью, ровной и необоримой, и жесткой силой, и блеском, подобным блеску наточенного клинка, Джованни Лотарио, граф де Конти, в 37 лет стал папой под именем Иннокентия III (1198–1216).

Племянник папы римского Климента III, он уже в 26 лет был субдиаконом, в 29 лет – кардиналом. Сразу после вступления на папский престол Иннокентий заявил о своем высоком понимании папской власти. В первой энциклике он писал: «Римский первосвященник является наместником не простого человека, а истинного Бога, ибо, хотя Мы и преемник главы Апостолов, однако, Мы не его и ни какого-либо Апостола или человека, но самого Бога наместник». Как государь, он носил двойную корону: два венца на тиаре символизировали духовную и светскую власть.

Ко времени начала его понтификата тайные секты переросли в открыто действующую религиозную организацию с оформленной догматикой.

Такой человек, как новый папа, неутомимо деятельный и исполненный безграничных планов, не склонен был рассматривать еретиков как незначительную помеху своей власти, но как угрозу существованию всего католического сообщества. «Он стремился упрочить и завершить здание католицизма, а лангедокские и итальянские противники уже думали о его разрушении».

Было очевидно, что между папой и еретиками неминуемо смертельное противостояние.

Катары в Окситании

Что же представляла собой та скверна, та ужасная ересь, против которой ополчалось духовенство и рыцарство всей Европы, откуда она взялась, чем была опасна для душ простецов?

Термин «катары» появился в первой половине XI в. Вскоре слово «катар» стало синонимом еретика вообще. Об учении катаров с достоверностью мало что известно. Их писания были почти полностью уничтожены победившей Римской церковью. В настоящее время историки располагают всего тремя относительно достоверными источниками по альбигойской ереси, ускользнувшими как от недремлющего ока инквизиции, так и от архивистов Ватикана. В них скупо повествуется об истории катаров, их мировоззрении, организации, обрядах. Что же касается церковных источников, то в них больше клеветы и вымысла, чем достоверных фактов. Если судить только по ним, то приходится сделать вывод, что папство осуждало ереси, не имея точного представления об их содержании.

Судя по скудным данным, которые дошли до нас, катары выступали против официальной церкви с позиций первоначального христианства. Некоторые черты их учения напоминали манихейство, поэтому их иногда называли неоманихеями.

Манихейство, вероятно, было самой значимой ересью и представляло собой смесь гностического христианства и элементов, заимствованных из культа Зороастра и Митры. Эта доктрина была делом рук Мани (или, по-гречески, Манеса), родившегося в Багдаде в 214 г. и введенного в очень молодом возрасте в секту персидских мистиков в белых одеждах, практикующих аскетизм, целибат и крещение. Собственную доктрину Мани начал проповедовать в 240 г. и быстро стал знаменитым благодаря своему искусству целителя и заклинателя злых духов. Говорили, что он родился от девственницы – необходимое тогда условие для получения признания божественности; его называли новым Иисусом, Спасителем, Апостолом, Озарителем.

Он получил образование, имеющее основой гностический дуализм, связанный с великими законами всемирной космологии. Фундамент его доктрины основывался на существовании двух противоположных принципов добра и зла, света и тьмы – вечный конфликт, целью которого, очевидно, являлась человеческая душа.

Как позже катары, Мани верил в перевоплощение и в класс посвященных, избранных ввиду их привилегированного положения. Для него Иисус был существом по сути своей смертным, божественный облик которого был лишь символическим и который не умер на кресте, потому что его заменил другой.

Заключенный в тюрьму по приказу властей в 276 г., Мани

окончил свою жизнь трагически. Забитый до смерти, с содранной кожей и отрубленной головой, с искалеченным телом (вероятно, чтобы помешать возможному воскресению), он был представлен публике. Тем не менее влияние Мани пережило его мученичество, и манихейство как бы получило второе дыхание; оно распространилось по всему христианскому миру с невообразимой быстротой. Напрасно его пытались уничтожить: оно противостояло всем атакам, а его влияние прошло в мыслях святого Августина довольно далеко в Средние века. Центры манихеев, особенно плодотворно укоренившихся в Испании и на юге Франции, установили в эпоху крестовых походов тесные связи с итальянскими и болгарскими манихеями. Таким образом, война с альбигойцами была в определенной степени войной с манихейством, и, несмотря на усилия Рима, учение выжило и дошло до наших дней.

Теоретическая часть учения Мани очень сложна и расплывчата, зато практические рекомендации предельно конкретны. Они предписывали для обретения спасения обязательный аскетизм: воздержание от мяса, вина и плотских сношений. Не преодолевшие этих искушений могли тем не менее спастись, оказывая разнообразную помощь манихейским общинам и веря в заветы Мани.

Манихеи молились семь раз в день, повернувшись лицом к солнцу, восход которого символизировал для них рождение Адама, а закат – конец света.

Развивая учение Мани, альбигойцы утверждали, что «воплощения Христа вообще не было, а миром на равных правах управляют два бога – добрый и злой». В их представлении мир состоит из двух великих царств – Света и Тьмы. В первом властвует Великий Отец, во втором правит Князь Тьмы, Демон.

Божество, или Царь Света, имеет пять нравственных атрибутов (членов): любовь, веру, верность, мужество и мудрость. Светлый эфир, рассматриваемый, очевидно, как нематериальная составляющая, является носителем пяти умственных свойств: спокойствия, знания, рассуждения, тайны (или скрытности) и понимания. Земля света также складывается из пяти членов.

Все силы добра однажды были соединены вместе, чтобы создать одно конкретное существо – Первочеловека, или небесного Адама.

Земля Царства Тьмы также состоит из пяти членов: яд, или зараза в противоположность благотворному веянию или благорастворенному воздуху земли Царства Света; бурный вихрь – против освежающего ветра; мрак – против света; туман – против воды; пожирающее пламя – против согревающего огня.

Все эти ужасные элементы собрались воедино для создания своего исчадия – Сатаны.

Темный князь возжелал захватить владения Света, и началась великая борьба между добром и злом. В сражение

вступили Первочеловек и Сатана; трудная победа в конечном итоге осталась за Адамом. Но во время противоборства он потерял свое вооружение, состоящее из элементов Светлого Царства. Добрые элементы смешались с членами Царства Тьмы, и образовалась хаотическая материя. Из нее были созданы люди, в которых слилось добро и зло. Для спасения им необходимо освободить из темницы плоти (темное начало) свое светлое начало – дух.

Многочисленные ереси в деталях отличались друг от друга в плане богословия, но у них было много общих главных факторов: гностические или отмеченные гностицизмом, они отрицали иерархизированную структуру Рима и проповедовали личный опыт вместо слепой веры. Добро и зло они рассматривали дуалистически, скорее как элементы бесконечного космического целого, а не под углом чисто земных этических понятий. Наконец, Иисус для них был смертным, родившимся по-человечески от человеческих родителей; быть может, он был пророком, вдохновленным свыше, но не имеющим ничего божественного, который умер на кресте, но, возможно, избежал этой смерти.

С манихеями последовательно боролись представители официальной церкви и светские правители. Еретики в свою очередь несколько видоизменяли свое учение, но оставались дуалистами. Так появились павликаны, особенно почитавшие учение святого Павла, и их духовные наследники богомилы, распространявшие свое учение по балканским стра-

нам и по всему Средиземноморью вплоть до Северной Италии и Южной Франции.

В сильно упрощенном виде верования богомилов можно представить следующим образом.

У Бога-Отца было два сына, Люцифер и Иисус. Именно Люцифер по приказу Бога создал человеческие тела, в которые Отец вдохнул жизнь. Первому человеку, Адаму, было предназначено настолько грандиозное будущее, что Люцифер преисполнился великой зависти и соблазнил первую женщину Еву. Та родила Каина, который принес в мир вражду и раздор и убил своего брата Авеля. С этого кровавого преступления и началось вечное противостояние добра и зла. Затем появился Моисей, невольно ставший орудием Каина: своим Законом он посеял в людях такое смятение, что Богу пришлось послать на землю второго Сына. Тот проник в лоно Девы Марии и родился в облике Иисуса, который стал уничтожать зло, распространенное по свету его братом Люцифером. Когда Иисуса призвал на Небеса Отец, на земле остался Святой Дух, который должен был жить в человеческих сердцах.

В 1049 г. на Реймском соборе во Французском королевстве, которое еще только создавали первые Капетинги, было объявлено о появлении еретиков, которых называли манихеями. Но сами они звали себя катарами – чистыми. Вполне возможно, что южные инакомыслящие по-своему интерпретировали предшествующие еретические учения и на их

основе создали собственную доктрину веры, отличающуюся от скомпрометировавших себя католических догм.

Как и манихеи, катары считали, что Добро (Бог – творец невидимого, идеального, справедливого мира) и Зло (Дьявол – создатель всего материального) являются извечными началами. Тело, принадлежащее чувственному материальному миру, создано дьяволом, в нем, как в темнице, заключена душа – творение Бога, незримо связанная с божественным началом.

Вызволить же душу из плена можно с помощью добродетельной жизни, основой которой служат прочные нравственные устои и отказ от собственности. Ведь, по доктрине катаров, «от обладания богатствами земными душа ржавеет».

Христос представляется катарам совсем иным, нежели католикам, и это ключевой пункт расхождения между ними. Христос вовсе не искупал своей жертвой человеческих грехов. Он только изложил учение о спасении, содержащееся в Евангелиях, прежде всего в четвертом, хотя и синоптические Евангелия не отвергались катарами, придававшими также большое значение посланиям святого Павла. К тому же Христос для катаров не является ни Сыном Божиим, вторым лицом Троицы, ни настоящим человеком. Это ангел, небесный посланец, пришедший указать людям путь к спасению. Его Страсти – не настоящие, а мнимые и олицетворяют, по мнению некоторых катаров, кару, которую претерпел вне мира сего Творец Зла, создавший материальную Вселен-

ную. Катары осуждали и культ креста как орудия позорной пытки. Что же касается Девы Марии, то она для них тоже ангел, а не обычная женщина. Наконец, катары категорически отрицали Воплощение и Воскрешение во плоти, составляющие основу основ христианского вероисповедания.

У еретиков отсутствовали церкви в привычном понимании этого слова, они произносили свои проповеди под открытым небом, совершая простые и скромные обряды. Еретики не отказывались от христианских праздников Рождества, Пасхи и Троицы, но в то же время они не праздновали еженедельные воскресенья.

Между верующими различались три степени: слушатели, или слушающие; верные, или верующие (*credere*), и добрые люди, или Совершенные (*parfait*).

Богослужбная сторона религии не получила большого развития. Известен лишь обряд возложения рук, называемый «утешением» – *consolamentum*. Он торжественно происходил в большом молитвенном зале катарского дома. Главной книгой еретиков было Евангелие от Иоанна¹², а единственной молитвой – «Отче наш».

На соборе, созванном в Ломбере близ Альби в 1176 г., альбигойцы открыто заявили о своем учении. К этому времени к нему уже примкнула большая часть знати и городского населения. Окситания одной из первых ощутила пре-

¹² Это Евангелие существенно отличается от трех других – Луки, Марка и Матвея.

лесть свободы – не только поведения, но и мысли. Здесь города закрывали ворота перед своими сюзеренами, если те в чем-то не угождали им; здесь поэт упоминал имя возлюбленной прежде имени Мадонны; бароны вели войны не ради добычи, а ради славы; здесь относительно спокойно жили евреи и даже арабские купцы и устраивались блестящие рыцарские турниры; здесь один из членов семьи мог быть пилигримом-крестоносцем, отправляющимся в Святую землю, а другой – еретиком. В этой стране и могло существовать альбигойство.

Как священную реликвию катары почитали Грааль и верили во все блага, им даруемые: в то, что приблизившийся к Граалю, и только он, может стать истинным Совершенным, воином или королем. Но более всего они почитали символ Грааль, трактуемый ими как необходимое для счастья перерождение человека и обретение им новых качеств.

В любом случае христианские святые ничего общего не могли иметь с магическими свойствами священных предметов из волшебных легенд. Грааль, каким бы вещественным он ни был, служил лишь символом поиска того, что приходит свыше как дар и что можно получить лишь благодаря смирению и после глубокого внутреннего очищения, то есть обращения сердца. А это обращение выражается в евангельской простоте малых, которые доверяют не самим себе, а Богу.

Церковь обвинила альбигойцев в представлении о противоборстве равнозначимых в мироздании сил Света и Тьмы,

отвержении учения о Пресвятой Троице, таинства причащения, брака и пр. Но о Граале не было сказано ни слова.

О том, насколько широко на Юге разнеслась ересь, свидетельствует письмо святого Бернара Клервоского, в котором он описывает состояние официальной религии в Тулузе. «Церкви стоят без прихожан, прихожане обходятся без священников, священники утратили честь. Здесь остались лишь христиане без Христа. Таинства втоптаны в грязь, больших праздников уже не отмечают. Люди умирают в грехе, без покаяния. Детей лишают жизни во Христе, отказывая им в благодати крещения».

Святой Бернар в 1145 г. отправился в Окситанию с проповедями против учения катаров. Его миссия успеха не имела, несмотря на блестящий талант проповедника. Поэтому его раздражение вполне объяснимо.

Насколько же распространилось инакомыслие к началу Альбигойских войн!

Однако тот же Бернар Клервоский проговорился однажды, что нет более христианской проповеди, чем альбигойская, и что они были чисты своими нравами. Действительно, альбигойцы утверждали власть вольного сердца, проповедовали свободу и независимость человеческого духа. Катары верили в то, что душа многократно приходит на землю собирать жизненный опыт, который использует в следующих воплощениях, а потому презирали смерть. Они высоко чтили Вероучителя христианства, но отказывались считать его

Богом.

Окружающие видели: эти скромные люди жили чисто и совершали достойные дела. В отличие от католической церкви, у которой была лишь одна забота – повсюду насадить силой свою власть и обогатиться, катары ставили главной целью очистить от искажений Учение Иисуса Христа. Считая себя последователями первых христиан, эти апологеты бедности и простоты отличались высокой требовательностью к себе и колоссальной снисходительностью к слабостям ближних.

Единственным условием, необходимым для спасения души, был *consolamentum* – обряд, делающий мужчину или женщину не только полноправным членом катарской церкви, но и новым существом – Добрым человеком или Доброй женщиной¹³. Этот обряд обладал властью превращать обычного человека, чья душа оставалась в плену косной оболочки, в создание, в котором действительно обитал Святой Дух. *Consolamentum* давался взрослым людям и был не просто крещением: его можно расценивать как католическое таинство посвящения в монашеский орден. Тот, кто желает получить *consolamentum*, должен сначала пройти долгую подготовку и выдержать ряд испытаний, доказывающих твердость его веры и подтверждающих, что ничто в мире не заставит его отречься.

¹³ Католики именовали принявших *consolamentum* Совершенными. Сами катары никогда себя так не называли.

Получившая такое «утешение» душа в момент смерти человека избегала переселения в другое тело и присоединялась на небесах к божественному Духу при условии, что со дня своего крещения посвященный вел святую и добродетельную жизнь. Его душа успокаивалась и ждала смерти как освобождения от бременной и грешной оболочки.

Одетые в простые одежды Совершенные, достигшие высшей ступени в иерархии катарской церкви, обходили свои приходы, поддерживая и наставляя вверенную им паству. Черная хламида, кожаная сумка через плечо с романским переводом Нового Завета, долгие пешие странствия, трудная, скитальческая, но святая и подвижническая жизнь. Ровный тихий голос, неспешная, но энергичная походка, смиренный вид, опущенные долу глаза – по этим признакам узнавали катарского посвященного.

Число Совершенных было сравнительно небольшим. Даже во время расцвета ереси их насчитывалось не более семи-восьми сотен. Это неудивительно: их доктрина требовала отказа от всего земного и длительных аскетических ограничений, приводящих к подрыву телесного здоровья даже самых физически крепких людей.

Понятно, почему эти суровые и одновременно мягкие мужчины и женщины, жизнь которых представляла столь разительный контраст с жизнью большей части католических клириков, пользовались таким уважением. Они излагали учение о спасении, а большинство людей были пресыщен-

ны церковными проповедями, ставшими лишь назойливым повторением избитых и бесполезных формул.

Для катаров нарушение заповедей «Не лги», «Не убий», «Не клянись», «Не прелюбодействуй» равнялось смертному греху. После принятия утешения самый мелкий грешок оборачивался святотатством, и верующий утрачивал Святой Дух, который обитал в нем. По этой причине многие верующие принимали *consolamentum* только в преддверии кончины: душа получала утешение, а у тела не оставалось времени согрешить.

Катары имели смелость утверждать, что человеку не нужен посредник для общения с Богом. В каждом из людей есть божественное начало, опираясь на которое можно установить высокую связь путем Гнозиса – прямого знания. Только бы устремиться к очищению сердца, потому что не может высшая благодать пребывать на человеке, ведущем нечистый образ жизни. Внешняя обрядность отрицалась ими как неподлежащая рациональному истолкованию.

Естественно, при таких воззрениях вся иерархия католической церкви, самовольно присвоившая себе право вещать от имени Бога, становилась ненужной. Бесполезным делалось и богословие, становившееся в то время столпом, держащим небо, догмой, решающей судьбы людей и народов.

Еретики упрекали католицизм за блеск богослужения, театральность обрядов, обольщающих воображение и отвлекающих от мыслей о Боге. Они указывали на корыстолюбие,

жадность, насилие, греховную роскошь и распущенность, чему в полной мере предавались католические священнослужители.

Сам папа Иннокентий III утверждал, что именно духовенство несет главную вину за возникновение ересей. Чтобы успешно им противостоять, клир должен пользоваться уважением и доверием верующих, чего давно уже не наблюдалось. Гениальный теократ, Иннокентий понимал, что для искоренения ересей необходимо использовать не только насильственные методы борьбы, и разделил движения мирян на две категории. К первой было отнесено движение катаров, создавших в Окситании собственную церковь и ставших на путь открытого противостояния с церковью Римской. Во вторую категорию вошли евангелистские движения: они были возвращены в лоно церкви. Именно благодаря этому шагу стало возможным официальное признание нищенствующих орденов.

В 1207 г. Иннокентий III благословил основание ордена миноритов, чуть позже – доминиканцев. Новые братства, с одной стороны, придавали институциональные формы религиозным идеалам мирян и давали им возможность вести евангельский образ жизни, не вступая при этом в конфликт с церковью, с другой – были призваны бороться с ересью при помощи проповеди. Таким образом, наряду с разработкой законодательства против еретиков, совершенствованием процедуры расследования преступлений против ве-

ры и привлечением к борьбе с ними светских властей создание нищенствующих орденов стало одной из ключевых мер, предпринятых римской курией для искоренения еретических движений.

Между еретиками не всегда существовало единство. Одно направление – собственно альбигойцы, или катары, – было основано на восточных философских системах в их синтезе с христианством, имело выраженный дуалистический характер, связь с манихейством и производными от него верованиями. Другое представляло собой евангелический, строго христианский протест и, хотя было уничтожено в Окситании в XIII в., со временем воскресло в идеях Реформации и воззрениях кальвинизма. Но альбигойских пастырей обоего толка – и это признавали сами католики – роднило одно: они были трезвы, просты, доброжелательны, трудолюбивы и никому не отказывали в бескорыстной помощи.

Катары свято соблюдали все, что декларировали в проповедях. А личный пример на фоне развращенного римского духовенства оказывал на души людей потрясающее воздействие. Сами звания – «Добрый мужчина» и «Добрая женщина» – вызывали уважение. Катарам помогали, их кормили, им добровольно жертвовали средства.

Совершенные отрешались от мира и от общества, их имущество принадлежало всей церкви. Они отрекались от семейных и родственных уз, давали обет целомудрия и нищеты; их жизнь была чередой аскетических подвигов. Четыре

раза в год они соблюдали строжайшие сорокадневные посты, три раза в неделю не ели ничего, кроме хлеба и воды.

Петр Сернейский, ярый недоброжелатель еретиков, дает немногие и краткие сведения о катарской иерархии. У еретиков «были представители власти, которых они называли “дьяконами” и “епископами”, их просили о наложении рук, дабы всякий умирающий полагал возможным спасение своей души, но в действительности, если они налагали руки на умирающего, какая бы вина на нем ни была, если только он в состоянии был прочесть Pater Noster, они считали его спасенным и, пользуясь их выражением, “утешенным” до такой степени, что без всякой епитимьи, без какого-либо другого искупления своих грехов он поднимался на небеса».

Действительно, церковь катаров имела свою иерархию и свои диоцезы¹⁴. Их число и размеры с течением времени несколько менялись. На Юге было всегда три диоцеза – Тулузский, Каркассонский и Альбигойский; другие, вроде Разесского и Аженского, возникли позже и исчезли раньше. Одна из целей катарского собора в Сен-Феликс-де-Карамане в 1167 г. заключалась в точном определении границ этих диоцезов. Во главе каждого из них стоял епископ, управлявший диоцезом единолично с помощью двух священников, именуемых Старшим и Младшим сыновьями. Когда епископ

¹⁴ *Диоцез* – центральноадминистративная территориальная единица в католической, англиканской и некоторых других протестантских церквях, во главе которой стоит епископ.

умирал, ему автоматически наследовал Старший сын, посвящаемый Младшим, который тогда становился в свою очередь Старшим. Собрание катарских Старцев избирало нового Младшего сына. Епископы поддерживали постоянные отношения друг с другом, а также переписывались с епископами других краев.

Альбигойцы доказывали, что смертная казнь не должна существовать, что человек ни под каким видом не должен обрекать себе подобных на смерть. Их вера запрещала всякое кровопролитие и войну. Даже перед лицом смерти Совершенные должны были терпеливо сносить боль и раны, не поднимая руку в свою защиту.

Катары перевели на язык ок Библию и ревностно проповедовали ее учение. Распространяя свои религиозные воззрения, они обратили в свою веру многих представителей известных родов. За добродетельную жизнь и чистоту помыслов они пользовались всеобщим уважением и поддержкой всей южной знати. Совершенные жили как святые, отринув радости телесные и предпочитая восторги духа. Самый большой ужас внушала им возможность умереть внезапно, в состоянии греха, не успев получить *consolamentum*. Апостольская жизнь еретического клира весьма существенно отличалась от эпикурейства католического духовенства. Не заметить это различие было невозможно.

Шло ли катарское вероучение снизу, как в свое время христианство? Скорее всего, нет. Местная насмешли-

вая знать давно ввела моду на интеллектуальные дискуссии, на светские и немного либертинские взгляды относительно многих, считавшихся церковью непогрешимых истин. Пытливый человеческий ум искал объяснения законам мироздания, и часто в жарких спорах образованных и просвещенных сеньоров и дам звучали вполне еретические утверждения.

Религия катаров, отрицая сущность полов, как и все реалии плотской жизни, провозглашала равенство мужчин и женщин. Здесь еретики основывались на концепции апостола Павла, изложенной в Послании к галатам (3:28–29): «Нет уже иудея, ни язычника, ни раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского, ибо все вы одно во Христе Иисусе...» Правда, и католицизм этого равенства тоже уже не отрицал, но на практике всегда оставался религией решительно антифеминистской.

Женщин Совершенных было меньше, чем мужчин, но не намного. Повествуя об «удостоенных» еретиках, схваченных крестоносцами, историки той эпохи не называют точных цифр, хотя не создается впечатления, что среди арестованных мужчины превалировали. Эти «добрые христианки» осуществляли свой апостолат среди женского населения. Они много занимались уходом за больными и врачеванием, поскольку в ту эпоху женщины предпочитали лечиться у медиков одного с ними пола. Наконец, чаще, чем мужчины, они посвящали себя жизни созерцательной.

У катаров женщины, принявшие Святой Дух, могли, как

и мужчины, передать его наложением рук, хотя практиковали это лишь в экстремальных случаях и гораздо реже, чем мужчины. О епископах, или диаконах, — женщинах сведений нет. Активная роль апостолата оставалась за мужчинами, более приспособленным к тяготам и опасностям страннической жизни. К женщинам Совершенным относились с не меньшим пиететом, и часто они становились настоящими матерями для своих общин. Они жили отшельнически в отдельных домах или составляли особые общины, где занимались рукоделием или воспитанием девочек, принимая также на свое попечение больных. Это было устройство, напоминающее католический монастырь.

Как отмечал один католический священник, «хотя ересь типично мужское изобретение, благодаря женщинам она разносится по земле и обретает бессмертие».

Женщинам (не Совершенным) не позволялось сидеть за одним столом с посвященными. Враги вынуждены были с неохотой признавать, что посвященные никогда не позволяли себе даже прикоснуться к женщине рукой.

Католиков смущала чистота жизни еретиков. Они, исходя из собственных представлений, не верили, что такое возможно. Поскольку очевидность подтверждала аскетизм катаров, церковники, обвиняя их в тщеславии, настаивали на том, что эти лицемеры чисты только напоказ, днем; ночью же выказывают всю свою необузданность.

В этой атмосфере всеобщего уважения и преклонения пе-

ред нравственным подвигом катаров странно звучали слухи, распускаемые католиками. Исходя из того что чаще всего еретики странствовали по двое, их обвиняли в гомосексуализме. Н.А. Осокин передает некоторые из клеветнических измышлений католического духовенства: рассказывали, что «на своих ночных собраниях еретики якобы вызывали дьявола, который являлся им преимущественно в виде животного. Распевая гимны в честь мерзких исчадий, катары целовали кошек, жаб и другую нечисть. Затем, погасив свечи, они предавались свальному греху, где побуждения плоти не удерживались никакими пределами. Детей, здесь зачатых, через шесть дней после рождения сжигали, и пепел их служил вместо христианского причастия».

Как совместить эти обвинения с бытом вечно голодных Совершенных, падающих в обморок от случайного прикосновения женщины?

Кроме Совершенных альбигойское сообщество включало верующих и слушающих. Верующие могли вступать в брак, носить светскую одежду, пользоваться оружием и даже давать клятвы. Здесь и находится ответ на вопрос, как же воевали альбигойцы, если, всегда полуголодные и слабые телом, они не могли прибегать к оружию даже для защиты собственной жизни. Знатные сеньоры и трубадуры, воспевающие прекрасных дам и волочащиеся за горожанками; городские консулы, строго карающие за малейшее неповиновение; богатые купцы, не брезговавшие надуть конкурента;

множество ремесленников и крестьян, живущих полнокровной жизнью человека Средневековья, – все они знали, что в конце жизни могут принять утешение, «встать в согласие с Богом». Именно эти люди оставляли свои замки, конторки, прилавки и шли по призыву сеньора защищать свою веру и свои исконные вольности.

Женщины из простых верующих были более многочисленны и зачастую более отважны, чем мужчины. Все они, от знатных дам, смолоду окруженных воздыхателями и поэтами, а во вдовстве обратившихся к молитве и делу милосердия, до простолюдинок, прислуживающих за столом или пересекающих страну из конца в конец в качестве гонцов, были активнее, чем мужчины. Причина тому очень проста: мужчин, даже глубоко верующих, связывало множество обязательств – профессиональных, социальных или военных, которые они не могли нарушить. В обществе, где большая часть человеческих взаимоотношений обуславливалась клятвой, мужчины не смели открыто исповедовать религию, которая клятвы запрещала. А женщины, более свободные в этом смысле, могли посвятить себя религиозной деятельности без страха нарушить иные обязательства.

Кроме того, во времена Крестовых походов простая осторожность заставляла мужчин не особенно афишировать свои убеждения. Даже если граф и большинство феодалов поддерживали еретиков, это не могло долго продолжаться – ведь Римская церковь была могущественна и держала часть

административной власти в стране. Вот почему еретиков часто принимали в домах видных аристократок Аделаиды де Буассессон-и-Ломбар и Эрменгарды де Сейсак, сестры Совершенного Гильберта из Кастра, а также Бланки де Лорак, супруги сеньора Монреалья, основавшей монастырь для женщин-катарок. Этот список можно продолжить именами Гутьельмины де Тоннейн, Фабриссы де Мазероль, Ферранды, Серраны, Байоны и многих других.

Таким образом, отцы, мужья и братья оставались укрытыми от карающего церковного закона: ведь с ересью только мирились, ее не признали официально.

Южные графства были известны своей веротерпимостью. Тулузские графы и другие сеньоры юга Франции предоставляли людям религиозную свободу. Но и немного севернее, у слияния Роны и Санны, в местности, изобилующей садами и виноградниками, возникали очаги инакомыслия. В Лионе, городе, где раньше всех в Галлии утвердилось христианство, где церковь обладала властью над правосудием, зародилась секта вальденсов. Она возникла позже, чем альбигойцы, около 1170 г., и ориентировалась на городские низы и крестьянство. Началось с того, что богатый купец Вальд (Вальдо) нанял клириков, чтобы перевести с латыни на родной язык Евангелия и другие сакральные тексты. Когда он вник в содержание переводов, в его сознании произошел перелом. Он раздал все, что имел, бедным и отправился проповедовать евангельские истины, подкрепляя свои слова выученным на-

изусть текстом. Вальд учил подражать строго нравственной жизни апостолов, призывал к евангелической бедности, аскетизму. Скоро он обрел множество последователей. Члены его общины называли себя Совершенными.

Вальд и его сторонники отправились на III Латеранский собор в надежде получить разрешение проповедовать. Однако, хотя папа Александр III отнесся к ним достаточно благосклонно, они не получили от римской курии вразумительного ответа на свою просьбу. А через пять лет, в 1184 г., в Вероне папа Луций III своей декреталией отлучил их от церкви вместе с другими движениями.

Когда одного несчастного на допросе инквизиции в Тулузе спросили, чему его учили наставники, он ответил так: «Не творить зла, не делать другому того, чего не пожелал бы себе, не лгать и не давать клятвы». Учение вальденсов распространялось по Франции и Северной Италии. Уклад их жизни был более чем скромным, потому что почти все они были крестьянами и ремесленниками¹⁵ – бедным, презираемым народом. С точки зрения церкви, такие, как они, существовали только для того, чтобы облагаться налогами, если они придерживались истинной веры, либо гореть в огне, если они были еретики. Все, мужчины и женщины, молодые и старые, не переставая, учились и учили других. После тяжелого трудового дня они посвящали вечер занятиям. И если

¹⁵ Сесиль де Фуа, сестра графа Роже и Эсclarмонды, супруга графа де Комменжа, была приверженцей вальденсов.

отупевший и уже неспособный к учебе мозг отказывал воспринимать новое, они ободряли себя словами: если каждый день заучивать единственное слово из Священного Писания, через год будет уже триста, и так мы победим.

После осуждения Вальда и его сторонников еще не считали еретиками. Только когда вальденсы разделились на умеренных и крайних и последние стали утверждать, что личные пороки (несовершенство) священников лишают тех права вершить таинства (1218 г.), грянула анафема.

Петр Сернейский, упоминая вальденсов, говорил, что они «были скверными, но гораздо менее чем иные еретики». Другой католический автор признавал, что «вальденсы, коих рационализм был, по-видимому, свободным проявлением человеческого духа», были бы не опасны для католической церкви, но, к сожалению, «они имели у себя наставником некоего Идроса, который, если судить по его имени, был грек».

Еретиков карали смертью. «Борцы за чистоту веры» полагали, что гибель на костре оправдана словами апостола Иоанна: «Кто не прибудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет, а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают». Виновного предварительно не душили, как это было принято во времена расцвета испанской инквизиции. Взрывчатые вещества еще не были изобретены, поэтому осужденному не прикрепляли мешочков с порохом вокруг шеи, чтобы сократить его страдания, как это делали в более

поздние времена. Его, живого и здорового, привязывали к столбу, возвышающемуся над дровами, чтобы все верующие имели возможность до конца проследить все подробности трагедии, и сразу поджигали вязанки хвороста. До последнего момента рядом с несчастным находились служители церкви, дабы в случае раскаяния вырвать его душу из лап сатаны.

Нелегко указать, что именно в учении катаров и вальденсов наполняло людей таким одухотворенным стремлением к мученичеству. Но действительно, ни одна другая религия не могла назвать больше своих приверженцев, которые, полные решимости и радости, предпочитали смерть в самой ужасной ее форме отступничеству от своей веры.

Некоторые моменты доктрины катаров, остающиеся в тени, могут заставить думать, что она содержит какое-то эзотерическое знание. Альбигойцев всегда окутывал ореол непознанного, не исчезнувший и сегодня. Окруженные полутенью, свойственной всем великим тайнам мировой истории, они остались одной из самых привлекательных загадок прошлого Франции.

Известный теософ Е.П. Блаватская и австрийский философ Рудольф Штейнер, основатель антропософии, в своих произведениях сходятся в признании некоей «традиции мудрости», которая через посредство розенкрейцеров берет свое начало у катаров и тамплиеров, а те сами были обладателями более древних тайн.

Рыцарей-тамплиеров, ставших излюбленной темой для

разного рода теоретиков тайных обществ, разработчиков альтернативной истории и авторов триллеров, часто смешивают с хранителями Грааля. Над ними тоже довлеет груз вопросов и чарующая атмосфера так и неразгаданной загадки. Действительно, основание ордена и его первые несколько лет покрыты тайной, хотя начальная цель была проста – облегчить паломничество в Святую Землю.

Сторонники связи тамплиеров и катаров основывают свое убеждение на том факте, что командор ордена Храма в Тулузе в начале Альбигойского крестового похода был членом катарской семьи Транкавель. Документ, найденный в архивах семьи Молеон де Брюйер, показывает, что тамплиеры в некоторых землях открыли убежище для Совершенных. Многие крупные землевладельцы, будучи сами катарами или сочувствующими, принесли в дар ордену большие земельные владения. Четвертый великий магистр ордена Бертран де Бланшфор, как и его семья, определенно был катаром. Действительно, спустя сорок лет после смерти де Бланшфора его потомки сражались на стороне других сеньоров-катаров против войск Симона де Монфора.

Тамплиеры подчеркивали свою нейтральность в отношении истребления альбигойцев и ограничились тем, что объявили настоящими крестовыми походами только походы против сарацин. Однако, по рассказам некоторых современников, крепости тамплиеров служили убежищем для еретиков, и им даже приходилось брать в руки оружие, чтобы за-

щитить скрывающихся.

Однако катары и тамплиеры, скорее, были антагонистами. Действительно, что общего у одухотворенных, не признающих земных сокровищ, не берущих в руки оружия Совершенных с воинственными рыцарями-тамплиерами, банкирами и ростовщиками? Первая ссуда, предоставленная храмовниками, была зарегистрирована уже в 1135 г. «Самым длительным занятием тамплиеров, их вкладом в разрушение монополии Церкви на ростовщичество, было занятие экономикой. Ни одно средневековое учреждение не сделало большего для развития капитализма». Пожалуй, только таинственность, в которую облечены их деятельность и обряды, сближает тамплиеров и катаров. Орден цистерцианцев немало сделал для истребления катарской ереси; известно, что цистерцианцы покровительствовали тамплиерам. Знаменитый Гийом Ногаре, советник Филиппа Красивого, уничтоживший тамплиеров, по слухам, был потомком катаров. «Патарен, сын патарена», – гневно обличал его папа Бонифаций VIII.

Встречается множество упоминаний об участии тамплиеров в уничтожении катаров. Верность рыцарей Храма Симону де Монфору никогда не подвергалась сомнению. В 1215 г. он с дружеским визитом посетил Дом тамплиеров недалеко от Монпелье. Таким образом, тот факт, что некоторые храмовники исповедовали катарское учение и иногда были расположены к еретикам, можно рассматривать как исключе-

ние, подтверждающее общее правило.

В гораздо большей степени с катарами были связаны братья другого ордена – госпитальеров. По мере становления орден Святого Иоанна завязывал все более тесные связи с графами Тулузскими, причем не только в Европе, но и на Ближнем Востоке. У госпитальеров имелось много владений на Юге, а в Триполи им принадлежала мощная крепость Крак-де-Шевалье, пожалованная Раймундом II Триполлийским, знаменитым внуком Раймунда IV Тулузского. Естественно, во время Альбигойских войн они держали сторону наследников столь щедрых благодетелей. П.П. Рид утверждает, что рыцари-госпитальеры – в отличие от храмовников – были крепко связаны с катарами политическими и экономическими отношениями. Если орденам приходилось участвовать в военных действиях, то госпитальеры поддерживали Раймунда VI и Педро II, а рыцари-храмовники всегда с крайним тщанием исполняли свои обязанности в отношении папы и Святой церкви.

Как видно, Средневековье не отличалось одинаковостью чувств и мыслей и, несмотря на риск жестокого наказания, представляло собой эпоху расцвета ересей и духовных исканий.

Но сила католической церкви была велика; Рим не собирался легко сдавать свои позиции.

И в воздухе Окситании все настойчивей витала нервозность кануна событий, предчувствие грядущих бед.

Трубадуры

Трубадуры, отразившие в своей поэзии веселую легкость и жизнерадостную чувственность Юга, не желали думать о тревогах и невзгодах, которые готовило им будущее. Лавандово-дымчатые дали полей Прованса и Лангедока, синее небо и еще более синее море, оливковые рощи и апельсиновые сады, знойные дни и сине-лиловые ночи рождали восхищение всем сущим и песни о любви и красоте.

Еще XI в. в Провансе возникло такое новое для Средневековья явление, как куртуазная поэзия. Оно началось с культа Прекрасной Дамы. Чтобы славить ее, провансальская нация первая из всех наций Нового времени выработала литературный язык. В те времена, когда не существовало печатных книг, устное творчество способствовало ренессансному подъему общества. Многие прекрасные стихи унесены временем в море забвения, но лучшие песни запоминали и пересказывали, и они разлетались по всей Европе, где некоторым из них посчастливилось быть записанными и дойти до наших дней.

И на Севере начинался общий духовный и материальный подъем. Строгий романский стиль окончательно устранился, уступив место более мягким готическим обычаям. Поднялась культура виноделия и выращивания фруктов, появились всевозможные утонченные привычки повседневной

жизни, равно как элементы духовного образования и художественного творчества. Бесконечные разбойничьи набеги постепенно уходили в прошлое, общественное одобрение стали получать придворные формы поведения. Настоящему рыцарю наряду с войнами и турнирами необходимо было переживать любовные приключения. «Покорение – все равно кого, врага или женщины, – вот что становится жизненной задачей рыцаря, именно это приносит ему славу».

«Рыцарь полон жизни. Его крепкое тело натренировано, а пища, почти исключительно состоящая из остро приправленного мяса, и хмельные напитки волнуют его кровь. Насилие, жестокость, разбой, вымогательство по-прежнему остаются частью рыцарского ремесла и определяют поведение мужчины. Но со временем его представления о себе меняются. Смена менталитета происходит в течение нескольких лет. Мужчины упражняются в искусстве пения, танца и композиции, чтобы заслужить благосклонность придворных дам. Они носят более изящную одежду, обзаводятся носовыми платками, осознают необходимость и пользу мытья, оттачивают мастерство остроумных бесед».

У младших отпрысков знати появилась возможность праздной жизни при больших дворах, где они неизбежно испытывали влечение к женщинам, на которых им никогда не удастся жениться. Любовь расцветала там, где устанавливается феодальный порядок, который обеспечивал праздность и достаточное материальное благополучие. А уж они

благоприятствовали новой игре, идеально соответствующей новой задаче общества – привить мужественности утонченность и культуру.

Видные трубадуры и жонглеры собирались ко дворам владетельных дам, чтобы показать свое искусство: Аймерик де Пегильян, Арно (Арнаут) де Каркассэ, Гийом Фабр и Бернарт Аланхам воспевали любовь и чувственные радости жизни.

Поэты славил дворянства Тулузских, сеньоров Монпелье, правителей Родеса, виконтов Нарбоннских и Прованских. Эпопея рыцарских чувств наполнялась нежностью, люди в высших феодальных слоях приобретали вкус к развлечениям ума, начинали ценить книги и сами сочинять. Образовывались блистательные кружки молодых просвещенных мужчин и женщин, где обсуждались вопросы галантности и любовной казуистики, где создавался особый культурный настрой интеллектуальной элиты Юга.

Поэзия и куртуазная любовь в обществе элегантно и блестящем восхвалялись как замечательное интеллектуальное достоинство.

Эрменгарда, правительница Нарбонны, большая ценительница поэзии, оказывала всемерное покровительство трубадурам, которые без устали воспевали красавиц и ее в первую очередь. Аделаида Безьерская устраивала бесконечные пиры и празднества при своем дворе, прекраснейшем в землях Ока.

Куртуазная идеология, по-видимому, сложилась под влиянием настроений самой многочисленной и необеспеченной части дворянского сословия – младших сыновей известных родов, мелких рыцарей, кондотьеров и пр. К этой группе примыкали молодые образованные горожане, купцы, ремесленники и даже свободно мыслящие клирики.

Ни одна страна в то время не славилась большей свободой и терпимостью, чем Романья. Любые мнения можно было выражать вслух, все вероисповедания были уравнены в правах, а классовых противоречий практически не существовало. До наших дней дошел перечень условий, при которых простой человек мог стать шевалье.

Придворное вежество, именуемое куртуазией, стало знаменем социальной элиты, вытесняя аскетическую доктрину раннего Средневековья. *Gai saber* – «веселая наука» – объединяла и вельможу, и трубадура, и горожанина. В этой науке слово «радость» обозначало помимо прямого смысла также «утеху», «веселье», «счастье», «пользу», «приятность». Трубадур ставит его в центре любви, и эта «радость» могла быть как духовной, так и более земной. Лучший способ добиться признания в поэзии и в любви – ухаживать за дамой, соблазнять ее, хвалить, чествовать, льстить, служить, воспевать и т. д. Поскольку женщины пользовались в окситанском обществе большим влиянием, на этой почве возникло так называемое «служение даме».

Культ Прекрасной Дамы зарождался с особого поклоне-

ния Деве Марии. В ее честь возносились горячие молитвы, слагались стихи. Она именовалась «кроткой Дамой небес», «небесной королевой», ее изображения на иконах облакались в драгоценные одежды, увенчивались короной.

Такое поклонение Богородице возвеличивало в свою очередь и земную женщину. Земная любовь к ней получала все более возвышенный, более духовный характер и окрашивалась особыми поэтическими тонами. Окружая почитанием какую-либо «даму сердца», рыцарь, в сущности, служил не ей, а какому-то отвлеченному идеалу красоты и непорочности, который он создавал в своей душе.

По установившимся взглядам того времени, рыцарь и не должен был стремиться к разделенной любви, дама сердца должна быть для него недостижимой, недоступной. Такая любовь, как считалось, служила источником всяческой добродетели и входила в состав рыцарских заповедей. «Редкие достигают высшей добродетели, храбрости и доброй славы, – гласило одно из поучений, – если они не были влюблены».

Ритуализированное почитание женщины удовлетворяло неутоленную потребность мужчины в чувстве симпатии – результат системы брака, которая совсем не заботилась о любви.

Ухаживать за дамой – это значит хорошо о ней отзываться, показывать себя любезным и учтивым. Учтивый влюбленный хвалит в своей даме такие качества, как вежливость, приятность, образованность, приветливость. Досто-

инства дамы, воспеваемые поэтом, включают в себя благородное происхождение – она дворянка из хорошей родовой семьи, – доброту, красоту, любезность, мягкость, молодость.

Но и сам трубадур должен иметь ценимые дамами качества. Он надежен, верен, постоянен, правдив, сердечен, скромен, подчининен, покорен... или, по крайней мере, пытается быть таким.

Многие люди, которые жили позже трубадуров, считали, будто сама куртуазная лирика была изобретена могущественным герцогом Гийомом Аквитанским. Противники этого утверждения полагают, что знатный сеньор всего лишь оказался первым поэтом, творчество которого было записано.

Рядом с трубадуром, создателем произведения, почти всегда находился жонглер – исполнитель длинных поэтических текстов. Жонглеры не занимались высоким искусством стихосложения, а использовали поэзию и музыку как ремесло. Жонглер танцевал, кувыркался, прыгал через обруч, подражал пению птиц, бегал и прыгал на высоко натянутом канате и вообще исполнял роль шута и паяца. В обязанности жонглера входило также умение дрессировать животных и демонстрировать различные фокусы. Назвать трубадура жонглером значило нанести намеренное оскорбление. Жонглеры пользовались куда меньшим уважением, чем трубадуры.

Именно во времена трубадуров поэзия стала королевой европейской словесности. Пора прозы еще не пришла, а души человеческие нуждались в красоте, как цветы в солнечном свете.

Истинные дети природы, трубадуры расцветали весной и плодоносили весенними песнями, полными радости и буйства чувств. Эти песни так и назывались – «весенние запевы» и, разумеется, славилы любовь. Как правило, объектом любви выступала знатная замужняя дама. Отношения между влюбленным и его возлюбленной были подобны отношениям между сеньором и вассалом. Стремление к даме бесконечно: его цель не обладание любимой, а трудное, но радостное духовное совершенствование.

В феодальных кругах Южной Франции женщины имели довольно большую свободу. Согласно древним римским законам они могли наследовать фамильные владения и выступать в роли феодальных сеньоров, окруженных толпой придворных. Все, что основывалось понятиями «кровные узы», «семья», «династия», «страна», было связано с женским началом. Женщина занимала более высокое положение, чем потом, в более поздние времена, и была значительно раскрепощеннее, чем в то же время на севере Франции. Знатные дамы Юга весьма благосклонно относились к куртуазной поэзии, возносившей их на пьедестал. Эта атмосфера всеобщей легкой влюбленности формировала нравы.

Развлечения при дворе крупного сеньора были традици-

онными и включали кости, шахматы, гадания; популярностью пользовалась игра в мяч. Дамы разделяли забавы рыцарей своего окружения и не хуже их владели приемами всех этих игр. Если позволяла погода, все общество участвовало в конных выездах и охоте, одинаково любимых как мужской, так и женской частью двора. Все дамы владели искусством вышивки, умели играть на музыкальных инструментах и петь нежные песни; весьма ценилось умение грациозно танцевать.

И мужчины, и женщины немало времени уделяли своим нарядам. Невнимание к своей внешности, неряшливость или нечистоплотность могли послужить причиной изгнания из общества.

Рыцарь продолжал оставаться воином, однако он не просто носился целыми днями, не слезая с коня и щеголяя грубой силой, но приобретал придворное изящество. Этикет требовал от него, чтобы наряду с традиционной доблестью он обладал изящными манерами, соблюдал во всем «меру», почитал прекрасных дам и был приобщен к искусству.

Около 1184–1186 гг. Андреем Капелланом был написан знаменитый трактат «О любви» – единственное в своем роде сочинение, где изложена этика куртуазной любви. В книгу вошли высказывания на эту тему самых знаменитых женщин эпохи¹⁶: семь принадлежали Марии, графине Шампан-

¹⁶ Алиенора, герцогиня Аквитанская, в первом браке супруга Людовика VII Французского, во втором – Генриха II Английского, мать Марии Шампанской,

ской, три – английской королеве Алиеноре Аквитанской, два – Изабелле Вермандуа, три – королеве Франции Адели Шампанской, пять – Эрменгарде Нарбоннской.

Согласно законам куртуазности, дама должна быть неприступной владычицей, недостижимым божеством – словом, неземным созданием. Ей можно только поклоняться издалека и проливать слезы умиления, которые, впрочем, скоро высыхали, стоило трубадуру вернуться к семье и заняться добыванием хлеба насущного.

Однако женщины не желали оставаться лишь созерцательницами и нередко становились активными участницами дуэта любви. Знаменитая Эрменгарда, виконтесса Нарбоннская (1143–1192), была одной из таких женщин, одинаково способных предводительствовать в военной экспедиции и обсуждать государственные дела, покровительствовать поэтам и писать любовные стихи. Не сохранилось ее творений, зато остались на века стихотворные строки о ней: «Правит донна всей Нарбонной... добра, мила, проста».

Ее воспевали не только южане, что можно было бы расценить и как желание подольститься.

Во время Первого крестового похода, направляясь на помощь христианским войскам, Ренгвальд Кали, знаменитый оркнейский ярл, остановился в Нарбонне. В «Оркнейской саге» рассказывается о впечатлении, произведенном на него Эрменгардой, когда однажды на пиру она вошла в зал в со-

провождении своих дам. Его сразу, как громом, поразила ее красота. «Она несла в руках кубок, была одета в прекраснейшие наряды и распустила волосы, как девушка, перехватив их золотой лентой». Могучий северный воин импульсивно вскочил, взял ее за руку и произнес (наверное, на родном языке) одну из своих вис¹⁷:

Действительно, твои волосы, умная Билль, более
Прекрасны, чем у других, увитых
Золотом жен.

Женщина позволяет упасть на плечи своим волосам —
Я обагрил когти жадного
Орла – золотым, как шелк.

«И долго еще оркнейцы испытывали тоску по Эрменгарде Нарбоннской».

Сохранили бы восхищение учтивой красавицей лишь недавно обращенные в христианскую веру северяне, узнай они о том, что виконтесса Нарбоннская привечает еретиков-катаров и во многом разделяет их верования?

До наших дней дошли лирические, но очень энергичные песни графини де Диа, адресованные трубадуру Рембо Оранжскому (Раймбауту Оранскому). Беатрис де Диа, предположительно супруга Гийома де Пуатье, горько и необыкновенно красноречиво упрекает возлюбленного в холодно-

¹⁷ *Visa* – оригинальная форма древнескандинавской поэзии, строфа с внутренне регламентированными рифмами.

сти и измене. За силу открыто явленного в стихах чувства ее принято называть «Провансальской Сапфо».

Любовная лирика заняла одно из самых видных мест в литературе Средних веков. Католическая церковь еще сохраняла власть над умами верующих, но уже стали появляться очаги религиозной крамолы. В начале XII в. возникли первые частные школы, не связанные непосредственно с церковными организациями и поэтому более свободные в своих начинаниях. В них изучались греческий, арабский и еврейский языки. В Люнеле и Нарбонне ученики знакомились с древней иудейской наукой – каббалой¹⁸.

Именно в стенах подобных школ протекала деятельность одного из наиболее выдающихся философов-вольномыслителей Средних веков – Пьера Абеляра. Он одним из первых понял, что не только жития святых, но и человеческая жизнь заслуживает интереса, и создал «Историю моих бедствий»¹⁹. Он

¹⁸ *Каббала* – это специфическое еврейское эзотерическое и символическое толкование библейских текстов. Но на языке оккультизма этот термин стал синонимом метафизического действия, мистического опыта, в ходе которого сознание подвергается циклу испытаний и превращений, действия, которое можно найти также, например, в индийских религиях, буддизме и даосизме и в некоторых формах йоги и дзена. Каббалистический опыт включает серию ритуалов, которые поэтапно ведут посвященного к более высокому уровню сознания и знания. Эти этапы могут быть по-разному воспроизведены, но они скрывают одну и ту же единственную реальность.

¹⁹ Пьер Абеляр, родом из Бретани, родился в благородной семье. Он отказался от наследства в пользу младшего брата и избрал духовное поприще. Прославился необыкновенными способностями в области философии и теологии. В центре этики Абеляра – утверждение полной моральной ответственности человека за

описал крушение своей жизни, в чем духовенство усмотрело еретические идеи: возрастающее самосознание личности и хвалу человеческому, а не божественному разуму. Ставя человеческое сознание выше предания и мертвой догмы, Абельяр с уважением отзывался об античных философах, которые для него олицетворяли истинную мудрость и по своему нравственному благородству далеко превосходили представителей современного католического клира. Воззрения Абельяра дважды осуждались господствующей церковью как еретические.

Среди трубадуров встречались и люди скромного происхождения, лишённые сословных привилегий, и могущественные знатные сеньоры. Однако преобладали служилые рыцари, тесно связанные с аристократическими дворами – центрами новой куртуазной культуры. Часто, чтобы возвыситься из своего незаметного состояния, достаточно было цветисто прославлять господина и его супругу. Не важно,

свои поступки – как добродетельные, так и греховные. Парадокс заключается в том, что, выбрав духовный путь, предполагающий безбрачие и целомудрие, он полюбил Элоизу. Она воспитывалась в монастыре Святой Марии, который давал женщинам блестящее, небывалое для женщины тех времен образование. Элоиза не была обыкновенной девушкой, и дядя и опекун епископ Фульбер демонстрировал ее как чудо света. Он счел полезным нанять 16-летней Элоизе учителя, которым стал Абельяр. По-видимому, его 40 лет считались возрастом, когда страсти угасли. Но между учителем и ученицей возникло большое чувство. Оскорбленный Фульбер приказал оскотить философа. Теперь тому была закрыта церковная карьера. Но общее сочувствие к несчастьям ученого заставило сделать для него исключение, и его школа вновь стала центром публичного обсуждения богословских проблем.

что сеньор тучен и осторожен в бою, а его жена криклива и глуповата, – в стихах трубадура господин – сам бог Марс, госпожа – Венера. Но даже такие стихи «на случай», раболепные подобоострастные восхваления людей, от которых зависел стихотворец, возмущали косные умы. Блаженный Августин называл поэзию «вином заблуждений», а святой Иероним – «пищей демонов».

Многие считают практически установленным, что красивую сказку о Святом Граале выдумали, а может быть, всего лишь приукрасили трубадуры. Галантные певцы подчеркивали, что в числе оберегающих святыню должна присутствовать необыкновенная харизматическая женщина – Хранительница. Но, может быть, и эта сказка, как любая другая, содержит зерна истины? Ведь именно сказания об осаде Трои подсказали Шлиману, где искать место для раскопок.

В теплое время года трубадуры странствовали от одного именитого двора к другому. Те, кто мог себе это позволить, путешествовали в обществе жонглера, полуприятеля-полуслуги. Они навещали старых покровителей и искали более могущественных. Когда же погода портилась, трубадуры возвращались на родину, чтобы переждать непогоду и сочинить новые песни, ожидая весну и готовясь к следующему путешествию

Не только придворные певцы, но и знатные сеньоры в прочувствованных строфах описывали свои переживания и надежды – так, тяжело заболев, герцог Гийом Аквитанский со-

чинил такие строки:

А я в содеянных грехах
Пред всеми каюсь. Жалкий прах
В молитвах и в простых словах
Взываю ко Христу: прости!
Я ради наслаждений жил,
Но Бог предел мне положил,
А груз грехов, что я свершил,
Мне тяжек стал в конце пути²⁰.

Любовная лирика в провансальской поэзии – это наряду с весенними запевами романсы – небольшие лирико-эпические произведения; любовные послания; альбы – утренние песни; серены (серенады) – песни вечерние. Любовь трубадуров явилась своего рода бунтом человеческих чувств против злобы, глупости, суеверия, невежества в мире, где сословие поглощало личность. Однако и в этой, казалось бы, частной, интимной сфере трубадуры ухитрялись согрешить против устоев католической церкви. Кощунственное использование религиозных образов и выражений рассматривалось как один из тяжких проступков. В произведениях вольнодумцев часто присутствовали святотатственные заявления: например, что дама лишится «райского блаженства» за отказ в «милостях любви»; или что ради любви избранницы поэт готов претерпеть «адские мучения». Чувство любви в стихах

²⁰ Здесь и далее стихи приводятся в переводе В. Дынник.

трубадуrows ставилось выше интересов религии и часто бесцеремонно смешивалось с ними.

До наших дней дошла тенсона Марии де Вентадорн из знаменитого рода Тюреннов, в которой она, якобы споря с одним известным трубадуром, утверждает, что любовь – выше знатности.

Азалаида де Поркайраргес, родовитая лангедокская дама, в прелестном стихотворении «Вот и зимняя пора...» очень изысканно говорит о чувствах и тоже высказывает довольно смелую для своего времени мысль, что любовь и преданность дороже, чем знатность и богатство.

Донны – всех безумней донн,
Если сердце им избрало
Тех, кто властью облечен
Выше скромного вассала.
Мысль Овидия проста:
Власть и нежность – не чета.
Я смеюсь над чванной донной,
Только титулом плененной.

От такого заявления недалеко до отрицания иерархии церковной и – страшно подумать! – земной.

Безымянный монах из Монтаудона совершенно по-своему обращался со священными понятиями: «Давеча я в рай ходил...» или «Я к Господу как-то попал...». В лирических порывах южных певцов постоянно прорывалось если не рав-

нодушие, то, по крайней мере, непочтительное отношение к религии.

«Прекрасная Дама, мне кажется, я созерцаю Божество, когда вглядываюсь в твое прекрасное тело!» – восклицал трубадур Пејре Видаль.

Пејре Карденаль заявлял без всяких околичностей:

Хоть клирик ядовит
И злобою смердит,
А в пастыри глядит, —
Он за одежды чтим.

Могло ли понравиться католическим священникам подобное кощунство?

Любовная лирика была основной, но не единственной темой творчества окситанских поэтов. В их произведениях присутствовали сирвенты – стихотворения на злобу дня, затрагивающие общественно-политические темы; тенсоны – поэтические столкновения мнений, спор с реальным или вымышленным собеседником по наболевшим вопросам. Своими сирвентами, плачами и тенсонами трубадуры охотно откликались на бурные события современности.

Хуле и осмеянию часто подвергались представители католического духовенства и сам папский престол:

Рим, ты виноват

В потере Дамьетты²¹.
Нам бедой грозят
Всегда твои советы.
Алчный пустосвят,
Лишь помнишь о себе ты.
Да низвергнет Бог
Пышный твой чертог!
Низость и порок —
Вот, Рим, твои приметы.
Глуп ты и жесток.

Гийом Фигейра

Ему вторит Пейре Карденаль:

Поп правит без парада,
Но поп неодолим,
Нет с этим вором слада.
Поповский трон – амвон,
И под церковный звон
Даятель обольщен,
А поп обогащен.

Церковные власти и суровые северные короли не уста-

²¹ *Дамьетта* – важный торговый город и стратегический пункт в Египте. По настоянию папского легата Пелагия, не дожидаясь подкреплений и не прислушиваясь к предостережениям, армия крестоносцев двинулась на дальнейшие завоевания, была отрезана от Дамьетты и понесла огромные потери. Французский король Людовик IX за свое освобождение из плена вынужден был вернуть город мусульманам.

вали клеймить «бесстыдные любовные песни», «дьявольские любовные песни, распеваемые в деревнях женщинами». Действительно, в культурной, веселой Окситании беспечные южане были скорее язычниками, чем христианами. Они весело воспевали свои грехи, вместо того чтобы горько их оплакивать. Северяне обвиняли южан в бесшабашном разгуле и сладострастном разврате.

Многие трубадуры были катарами – верующими. В замке трубадура Гийома де Дюрфора в Фанжо проживала община Совершенных. Катарское учение исповедовал известный поэт Мир Бернат де Лорак. Раймон де Мираваль был клириком, но однажды повесил сутану на гвоздь и пошел с лютней по дорогам Прованса, славя жизнь и любовь. Он обожал Аделаиду Тулузскую, а после ее смерти воспевал еретичку Аделаиду де Буасессон. Трубадур Аймерик де Пегильян к концу жизни стал Совершенным и умер в Ломбардии. Трубадур Саварик де Маллеон сражался под знаменами Раймунда VI. Трубадур Юк де ла Балариа родился в семье архитектора, строившего Монсегюр. Сын трубадура Пейре Видаля погиб при защите Монсегюра.

Так что эти куртуазные песнопевцы не только брэнчали на музыкальных инструментах и распевали чувствительные песенки. Они могли стать опасными врагами на политическом или религиозном диспуте и на поле боя.

Сказать, что все трубадуры принимали альбигойское учение или сочувствовали ему, было бы преувеличением. Неко-

которые из них оставались добрыми католиками. Широко известный Бернар де Вентадур, скорбя о смерти Раймунда V, к которому был сильно привязан, ушел в католический монастырь. Другие находили себя в гонениях на собратьев по перу. Исарн, трубадур и инквизитор, изрекал только общепризнанные истины. Он утверждал, что ни один из верующих не может быть обращен в ересь катаров или вальденсов, если рядом с ним будет хороший духовный наставник. Инквизитором стал и Раймон Костиран, не снискавший большой славы на ниве стихотворства.

Но самую большую известность как гонитель еретиков получил трубадур Фолькет Марсельский. Он родился в портовом городе Марселе в семье богатых торговцев. Молодой человек обладал красивой внешностью, получил хорошее образование и удачно женился, но коммерция его не привлекала. Начав творческий путь при дворе виконта Барраля I де Бо, он прославился как автор множества стихов и девятнадцати лирических поэм, посвященных в основном графине Монпелье Евдоксии Константинопольской. Воспевая «ад и страсть» своего чувства, он приобрел большую известность. Его привечали Раймунд V и Ричард Львиное Сердце, он был в приятельских отношениях с Раймундом VI.

Неожиданно стало известно, что Фолькет удалился от мира и принял монашество в католическом монастыре Фонфруад. Его жена также стала монахиней.

Впоследствии Фолькет Марсельский сыграл роковую роль

в судьбе Тулузы и графа Раймунда.

И все-таки трубадуры, представляющие аристократическую музыкально-поэтическую этику Лангедока, повсеместно определившую развитие европейской придворной культуры, чаще всего горячо сочувствовали катарам и впоследствии разделили их участь. Более того, когда в наше время говорят о созданной катарами широко разветвленной сети агентов влияния, обычно имеют в виду именно этих веселых бродячих музыкантов. Существует мнение, поддерживаемое рядом современных исследователей творчества трубадуров, что, воспевая любовь – Amor (при прочтении наоборот – Roma), они на самом деле в иносказательной форме клеймили пороки Рима. При всей искусственности такого предположения оно тоже имеет право на существование.

Вклад трубадуров в развитие средневекового общества огромен. Но одна из самых больших заслуг свободных песнопевцев заключается в том, что их творчество обогатило мировую культуру прекрасным и возвышенным образом недостижимого Святого Грааля.

Страсти вокруг Грааля

Так что же такое Грааль, легенда, сказка, придуманная трубадурами, или действительно существовавший сакральный предмет?

Святой Грааль описывался в виде блюда, потира, тарелки, чаши или камня. И все же в сознании всего христианского мира Святой Грааль – это чаша Тайной вечери, в которую собраны капли крови Спасителя.

На языке ок graal означает «чаша», а латинское слово *gradua* – «богослужебная книга».

Первая легенда, в которой мы находим следы Грааля, – древнеирландское сказание о детях богини Дану. Спустившись с неба, чтобы хранить род людской, дети Дану принесли с собой волшебные котел, камень, копье и меч. И пока эти четыре реликвии бережно охранялись, избранный богами народ жил в довольстве и счастье. Меч и копье помогали обороняться от любого врага, котел же и камень давали вечное изобилие и помогали добиваться благородных целей всем, кто касался их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.